Метро 2033: Уроборос

Автор:
Светлана Кузнецова

Метро 2033: Уроборос

Светлана Александровна Кузнецова

МетроВселенная «Метро 2033»Рабы не мы #1

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Когда-то Влад жил на Фрунзенской и не желал никуда уходить. Но чтобы выжить, ему пришлось сбежать во тьму. Блуждания едва не оборвались расстрелом на территории Ганзы, а затем судьба закинула его на заброшенную Нагатинскую.

На перегоне между Нагатинской и Тульской, всегда считавшемся безопасным, начали пропадать люди. Пришлый сталкер втягивает Влада в охоту за кровожадным мутантом. Только никто не знает, чем все обернется и кто на кого будет охотиться на самом деле…

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году.

Светлана Кузнецова

Метро 2033: Уроборос

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

© Д. А. Глуховский, 2018

© С. А. Кузнецова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

«Любителям жанра «постап» Светлана Кузнецова известна как автор «сталкерских» романов, наполненных загадками и квестами. Тем интереснее было взглянуть, как она освоится в нашей Вселенной Метро. Считаю, с задачей Светлана справилась блестяще. Книга держит в напряжении до последней страницы и заставляет задуматься о многом».

Дмитрий Глуховский

Цикличность

Объяснительная записка Анастасии Калябиной

Люди рождаются, растут, взрослеют, стареют, умирают. Издревле человек задумывался о том, что в мировом порядке заложена некоторая цикличность. Время вообще описывали по-разному, одни считали, что все заранее предопределено, и мы проживаем написанный сценарий, другие верили, что будущее предугадать невозможно и его мы создаем сами. Мне лично ближе

всего версия о цикличности времени. Она ассоциируется у меня с космосом, с галактиками – их зарождением, вращением, гибелью. Мы рождаемся, умираем, на наше место приходят другие. Даже на уровне жизни можно проследить некоторую цикличность – «В жизни все повторяется дважды, Но в виде трагедии только однажды…» – писал Шекспир. Впрочем, можно найти высказывания и подревнее. Уроборос – символ, авторства которого мы не знаем. Его находят в совершенно разных местах, на разных континентах. Совершенно разные культуры задумывались о том, что мир цикличен.

Мы засыпаем и просыпаемся изо дня в день, вдыхаем и выдыхаем воздух, – совершаем множество монотонных действий, которые замыкаются сами на себе. Как уроборос.

Лев Гумилев создал теорию эволюционной пассионарности, по которой жизнь этноса тоже циклична. И в принципе жизнь человечества – цикл. Возможно, много-много тысяч лет назад, на Земле уже кто-то существовал. Тот народ мог придумать оружие и посильнее ядерного – а почему бы и нет? Мы же не знаем.

Возможно, мы рождены, чтобы что-то понять и перейти на новый уровень, а если не поймем – родимся заново, вся Земля переродится. И уже наши айфоны будут находить в культурных слоях и новые земляне будут гадать, зачем же это было нужно? Может, это таинственные люди создали, чтобы по воздуху переносить свою речь? А может его подкладывали в задний карман штанов, чтобы было удобнее сидеть на… как их? Skameykah.

А что будет с теми, кто выжил в Метро? Они же поднимутся на поверхность, они создадут новую расу людей и их потомки будут слагать легенды о людях, живших под землей. Как нам родители рассказывают об Адаме и Еве. Все в этом мире быстро забывается, особенно быстро забывается горе. Страшные чудища, мутанты, возродятся в сказках для детей, и будут они уже не такие реальные и вскоре совсем превратятся в сказку.

Уроборос – символ жизни и смерти, символ бытия как такового. Он – символ этого романа и символ всех других, потому что все равно вы закроете последнюю страницу прочитанной книги, и возьмете с полки следующую. Пока не выйдете на новый уровень. Я так думаю. А вы?

***

Там, где обитает немало тварей, способных манипулировать человеческим сознанием, следует научиться включать разум и пользоваться им постоянно: спрашивать самого себя, действительно ли твои ощущения и чувства истинны, хочешь ли ты именно того, к чему стремишься. И уж если тебе все равно, куда идти, просто ноги переставляешь, – беда. Пора поворачивать в противоположную сторону. Поначалу постоянно размышлять непривычно, лень, изрядно утомительно и даже больно и страшно, но иначе никак. Именно разум делает человека человеком.

Вырин С. А. Сталкер Кай.

Часть I

Глава 1

Мерно потрескивал огонь, тихо переговаривались друг с другом Миха и Глеб, и спать хотелось просто невыносимо.

– Вот так и живем, Симка, да? – отвлекшись от беседы с приятелем, спросил Миха.

Влад поморщился и потер переносицу. Владлен Симонов – для жителей Ганзы это имя действительно звучало странно и, пожалуй, даже вызывающе. Ладно, черт с ним, с его полным именем. Отправляясь с группой энтузиастов-первопроходцев возрождать заброшенную станцию Нагатинская, он сразу же сказал, чтобы звали или Владом, или Симом, и никак иначе. Вроде, даже согласились (а уж как его именовали за глаза, он даже предполагать не хотел), но превращать часть фамилии в какую-то кличку – это уж слишком!

Владлен Симонов – звучало гордо и красиво, но только пока он жил дома, на станции Фрунзенская. Между прочим, очень неплохо жил, пусть и не богато. Да он, вообще-то, и не представлял, как это – действительно богато жить. Ну, а раз так, то и не сокрушался по поводу бедности и того, что ганзейцы скоро жиром обрастут и дохнуть от переедания станут, хотя на Красной линии еда по карточкам. Главное, на Фрунзенской его любили и всегда относились радушно, а ведь у Влада не имелось ни одного родственника, не помнил он ни отца, ни матери.

Мальчишкой подкармливали вроде бы абсолютно чужие люди, и никто не гнал. Потом, когда подрос, старался помогать им по мере сил. Каждому по потребностям, от каждого по способностям – так звучал древний девиз, который начальник станции старательно воплощал в жизнь с одобрения руководства Красной линии. Станция располагалась между Парком Культуры и Спортивной, не приходилось ни отбиваться от осаждающих ее толп мутантов, ни бороться с Ганзой. Жили неплохо. По крайней мере, Влад верил в это, остальные же – те, кто втайне злился и ненавидел существующий порядок – могли и дальше жить с этими своими мыслишками за душой, копить яд, которым рано или поздно сами же и отравятся.

Фрунзенцы жили одной большой семьей, никто не пытался припрятать для себя кусочек посытнее или воровать (хоть и болтали всякое, Влад ничего такого не замечал). В этом они очень сильно отличались от ганзейцев, которые, казалось, за лишний патрон удавятся или удавят соседей. Заместитель начальника станции Фрунзенская шутливо называл Симонова «сыном полка» и рассказывал сказки – еще довоенные. Какие из них основывались на реальных событиях, а какие породило живое воображение Василия Петровича, распознать не выходило, но интересно было все равно. Так же завораживали все мифы и атрибутика Красной линии. Детство Влада смело можно было назвать счастливым.

День, когда на станцию пришли фашисты, стал для него поистине черным. Никто никогда не упоминал при нем, что эти твари о двух ногах в людском обличии крадут людей. Сокрушались только – это ж надо, что повылезло в стране, победившей Гитлера.

Влад еле переставлял ноги в окружении фашистов и мечтал, как вырвет у ближайшей к нему гадины автомат и перестреляет всех к такой-то матери. И ничего внутри у него даже не шевельнется. Не могло быть к фашистам

сочувствия. Бабка Поля, у которой парень иногда ночевал, говорила, что в нынешней нелегкой ситуации людей убивать нельзя, мол, выродятся ведь совсем, и так их уже осталось с гулькин нос. Однако Влад, пока шел неизвестным для себя туннелем, понял: фашисты и люди отныне для него – понятия разные. Не люди они, а твари – хуже любого самого отвратительного мутанта!

Впрочем, над Симоновым и еще парой мальчишек (тоже круглыми сиротами) они не издевались, даже не забывали кормить и давать воду. Говорили о ком-то, в шутку (а может, и взаправду) называемом доктор Менгеле, к которому захваченных и вели. Смеялись, подначивали пленников, обещали счастье и сытость, карьеру в будущем. Имя вызывало у Влада неприятие на каком-то глубинном уровне. Каких только ужасов он себе не выдумал, тем более, никогда на живость воображения не жаловался. И решил: лучше пусть его какой-нибудь мутант сожрет, чем дойдет он до Чеховской, Пушкинской и Тверской, где и обосновался Четвертый Рейх.

В туннеле фашисты больше по сторонам глазели, чем за пленниками следили, логично рассуждая, что никуда те не денутся, а сбежать побоятся. Улучив момент, Влад шмыгнул мимо ближайшего фашиста в ответвление туннеля, а потом бежал, не разбирая дороги, полностью отдавшись страху и какому-то странному ощущению. Все казалось, будто двигается он в правильном направлении, главное – не останавливаться, не оглядываться и молчать, вести себя как можно тише, ни в коем случае не отвечать на крики за спиной. Фашисты орали, называя ненормальным, приказывая вернуться, грозя мучительной смертью – ничто парня не трогало, не желал он слышать. Мало ли, какие звуки издают твари? Пусть себе орут.

Позже, вспоминая, он не понимал, откуда взялась у него эта уверенность, упорно гнавшая сквозь туннель. А ведь у Влада с собой не имелось ни воды, ни еды, ни даже источника света. В туннелях же мгла – глаз выколи, но ему казалось, будто вовсе не темнота вокруг, а сумрак, и, что особенно странно, ответвления и развилки он действительно видел четко и ни разу на стену не наткнулся. Так и вышел к людям (хорошо хоть, не пристрелили сразу!), на станцию Добрынинская.

Светлее, чем дома. Красиво: арки дугами, мрамор светлый, а у путей – красный. Вроде, и похоже на родную Фрунзенскую, а все-таки не то совершенно. Ганза. Умудрился Влад даже не на радиальную попасть, а прямиком к врагу.

Здесь его первым делом подняли на смех. Потом еще с полгода попеременно обзывали то Лениным (из-за имени, разумеется), то вождем пролетариата, то просто красной сволочью. Да и до сих пор продолжали зубоскалить, пусть и меньше и, в основном, в спину (не потому, что стал среди ганзейцев своим, а просто очень скоро научился бить, не раздумывая о целесообразности драки и об ее последствиях).

Влад потер переносицу и уставился на Миху почти враждебно. Если бы не дозор, в котором они торчали вот уже часов восемь, не преминул бы пару оплеух отвесить за это «Симка». Спустишь раз-другой, а потом прилепится и пойдет гулять промеж людей – поздно горевать и исправлять будет.

– Спишь уже почти, да? – не разглядев на его лице и намека на кровожадность, спросил Миха и душераздирающе зевнул. – Это потому что ноябрь.

– А тебе не все ли равно – под землей? – вздохнул Симонов, вглядываясь в черный зев туннеля, простирающегося по правую руку от него. По левую, в сторону станции Нагатинская, уходил практически такой же, но свой, безопасный, хоженый-перехоженный.

Ни с той ни с другой стороны не слышалось и не просматривалось ничего подозрительного. Влада это только радовало, в отличие от его спутников, которым хотелось приключений, проявить себя и, разумеется, выйти из всех передряг героями и спасителями родной станции. Иногда Симонову казалось, будто в группу с этими двумя его записали лишь потому, что хоть кто-нибудь должен же исполнять свои обязанности.

Все трое были ровесниками, но на Влада в свое время свалилось слишком многое. Он попросту не умел точить лясы на протяжении всей вахты, вперившись в костер и попивая кипяточек из чайничка. Хотя бы изредка он прислушивался и приглядывался: не крадется ли к ним какая-нибудь жуткая кровожадная тварь. Тем более, что они ждали с Тульской довольно большую группу, которая вот-вот должна была подойти. Вооруженным сопровождающим явно не нравилось пренебрежительное отношение дозорных северного туннеля к их непосредственным обязанностям, и за словом они обычно в карман не лезли.

Наблюдая исподволь за приятелями, Влад подозревал, что причина такого их отношения к своим обязанностям и к жизни вообще – в том, что и Михе, и Глебу посчастливилось жить в полных семьях, где с них разве что пылинки не сдували. Влад повзрослел гораздо раньше, поскольку был круглым сиротой, да еще пришлым, и потому крутился, как мог. А еще он слыл приемышем сталкера, от которого и наслушался баек – о якобы безопасных туннелях, откуда вдруг приходила смерть, и о нерадивых дозорных, из-за которых вымирали целые станции.

– Мне, может, и до одного места, какая там, – Миха посмотрел вверх, – погода стоит, а организму-то – нет. Мне матушка рассказывала, будто раньше, до войны, даже специально время переводили.

– Куда? – усмехнулся Глеб. – Это ж время. На кой его куда-то переводить?

– В смысле – часы, – почему-то сконфуженно пояснил Миха.

– С чего бы вдруг такое понадобилось? – спросил Глеб и скептически фыркнул.

– А вставать легче, – ответил Миха и вновь зевнул. – Что ж смена-то не идет, сволочи… – поторопился он сменить тему разговора. Видно, сам толком не разобрался, к чему были довоенным людям все эти манипуляции со временем.

– А куда им спешить? – ответив на его зевок своим, буркнул Глеб. – Мы ж здесь для галочки и самоуспокоения главы находимся. Вот попробуй к противоположному туннелю смена вовремя не подойти, точно по шее получит, – он посмотрел на Миху, поскреб в затылке, снова зевнул и потребовал: – И кончай зевать уже, невозможно ж!

Миха махнул на него рукой – мол, отстань.

– У них там хотя бы интересно, – проговорил он, от души назевавшись. – Говорят, Нагорная-то – живая! Вроде бы, станция как станция, пустая и спокойная, но если не в то время к ней подойти, опутает тебя туман, белый, как молоко свиное. И вот идешь ты в тумане этом, а потом…

– Может, хватит?! – остановил его Влад. – Нашел, когда страшилки рассказывать. Нет там ничего.

– Призрачных чудищ недавно видели, – не унимался Миха. – С виду – белесые сгустки то ли тумана, то ли газа, висят над полом на расстоянии до полуметра и светятся. Вроде не нападают и не приближаются, но оторопь берет – ужас. Может, это они так на мозги действуют – кто их разберет? Недаром у нас на Нагорной, типа, ментальная угроза – цветет и пахнет. Старики врать не станут. Им смысла нет в том никакого. И вообще… дыма без огня…

– Это в каком бреду, интересно, они призраков увидали? – поинтересовался Влад, припоминая недавнюю перестрелку южного дозора неясно с кем (или даже с чем).

Под это дело к южному туннелю подогнали огромный огнемет, созданный одним из умельцев с Тульской. Рассказывали, будто прототипом оному послужил агрегат с Савеловской, спасший когда-то и эту станцию и, возможно, многие другие от нашествия крыс. Только не понадобился огнемет: никто со стороны Нагорной не полез, а хорошо вооруженная группа, вскоре отправленная в тот туннель, дошла до установленного в трехстах метрах от станции пограничного столба и не обнаружила ничьих следов – даже крысиных.

Южный туннель то ли вымер полностью, то ли затаился. Очень хотелось верить в первое, но здравый прагматизм выступал в пользу второго. Потому дозоры здесь сменялись через каждые три часа, пацанов зеленых в них не брали, в пятидесяти метрах от станции установили тот самый огнемет, который в случае чего должен был уничтожить все физическое, а если повезет, то и ментальное на многие километры к югу.

– Да уж, – усмехнулся Глеб. – Сдается мне, не на нас одних ноябрь действует.

– Не знаю, – отмахнулся Миха, – но пальбу тогда открыли – любо-дорого послушать. Патронов израсходовали… Глава и Хрящ орали в унисон, причем матом.

Глеб захохотал, представив.

– Вот ведь придурки, – сказал он через некоторое время. – Попроситься к ним на юг, что ли?

– Мечтай. Так тебя и взяли, – ответил Миха, почесывая затылок. – Еще скажи – с кем-нибудь поменяешься. У нас же скукотища… смерт-на-я, – протянул он. – Совершенно спокойный туннель, широкая дорога до Тульской, и никаких приключений. Что здесь нормальным мужикам делать-то?

Влад передернул плечами. Вот как раз эти самые «нормальные мужики» наверняка с удовольствием поменялись бы местами с зелеными пацанами вроде них. Другое дело, что у нормальных мужиков имелись в наличии мозги и какая-никакая, но совесть. Ведь они сами успеют если не предотвратить угрозу, то хотя бы предупредить о ней, а вот пацаны, скорее всего, просто погибнут, причем тихо и даже не осознав, откуда и в каком обличии пришла смерть. Парню в свое время приключений выпало более чем достаточно – как выражался Винт, на всю оставшуюся жизнь, – и новых совсем не хотелось.

Сталкер оказался первым человеком, встретившим его когда-то на Добрынинской. Не будь его, Симонова наверняка там вообще объявили бы красным шпионом и к стенке поставили бы, невзирая на юный возраст. Ну, а почему бы и нет? Неизвестно кто приходит из туннеля, пароля, разумеется, не говорит, документов не имеет, несет какую-то ахинею про дело коммунизма и рассказывает про фашистов, напавших на родную станцию, от которых и сбежал, имя такое, что лучше бы помалкивал… ну, и все в этом роде.

Винт тогда первым делом заставил его сесть, сунул в руки кружку с какой-то невыносимой гадостью, подождал, пока Влад ею подавится, гаркнул, чтоб не страдал фигней и пил залпом, а после начал допрос.

Парень смысла многочисленных вопросов, посыпавшихся на его и без того больную голову, почти не понимал; сначала отмалчиваться пытался, пока не получил несколько подзатыльников и затрещин. Боялся, как бы добрынинцы не решили на его родную Фрунзенскую напасть (бред, конечно, хотя напали же на нее фашисты). Только Винт ведь спрашивал не про охрану и не про ремонт после взрыва топливного склада, а выяснял детали, казавшиеся Владу несущественными: чем питались, как одевались, имя завскладом и все в таком роде. Под конец Симонов уже откровенно зевал, слушал вполуха и отвечал машинально, не слишком задумываясь о том, что именно несет. Помнил еще, как сталкер заверил ничем не примечательного человека, присутствовавшего на

допросе: парень правду говорит и действительно вырос на Фрунзенской. И сбежал, похоже, на самом деле от фашистов – иначе попросту не ответил бы на вопросы. Потом они совещались. Ганзейцы хотели Влада со станции вышвырнуть, но Винт почему-то не дал, заступился. Симонову настолько к тому моменту все равно сделалось, что он послал всех к черту, свернулся калачиком и уснул.

– Эй… не спи – замерзнешь! – растолкал его Глеб и кивнул в сторону Нагатинской. – Вон, Хрящ на всех парах несется, неймется ему, болезному.

Влад вздрогнул. Вроде бы всего на пару секунд глаза прикрыл, не более, а прошло не так уж и мало времени. Раньше он никогда не дремал в дозоре, да и спал сегодня нормально, никакими кошмарами не мучился. Снилась какая-то муть, но он ее не запомнил совершенно. После пробуждения остался лишь незначительный неприятный осадок, но от него очень быстро удалось отмахнуться.

– Хряк он, а не Хрящ, – фыркнул Миха. – Сейчас опять заведет то же самое: не прибыла еще моя посылочка? А я жду ее, прям, заждался.

Глеб прыснул, уж больно похоже спародировал Миха интонации казначея станции.

– Ребятки, ну как?! Не прибыла еще моя посылочка?! – донеслось издали, и Симонов согнулся от смеха рядом с Глебом, а затем и Миха к ним присоединился, очень довольный собой.

Бравые дозорные успели отсмеяться аккурат к тому моменту, когда казначей затормозил рядом с ними, шумно дыша и пританцовывая на месте. Хрящ был лысоватым, обрюзглым и тучным до неприличия. Винт говорил, будто необъятные размеры казначей приобрел из-за болезни, а не от переедания, но ему никто не верил, особенно молодняк. То, как Хрящ за спинами у нагатинцев нажирается от пуза, стало притчей во языцех и отдельным поводом для шуток.

– Не приходил пока никто, Анатолий Борисович, – ответил ему Влад, первым взявший себя в руки и нацепивший на лицо серьезное выражение.

Хрящ покачал головой, с полминуты отдувался, переминаясь с пятки на носок. Достав из кармана платок, отер красноватое потное лицо, промокнул лысину и выдал:

– Ну, как же так, а? Еще ж три часа назад прийти должны были.

– Мало ли, задержались, – ответил Глеб и пожал плечами. – Может, они решили переночевать на станции, а завтра утром к нам отбыть.

– Нет, ну это… – Хрящ похлопал ладонями, будто стремился привлечь внимание (зря, дозорные и так смотрели на него). – Просто ни в какие ворота! Как так можно?! – воскликнул он и развел руками. – Как так можно, я вас спрашиваю, а?

Вопрос, разумеется, был чисто риторическим.

– Не волнуйтесь, Анатолий Борисович, – сказал Симонов, – наш туннель – мирный, по нему от Тульской и обратно люди ходят спокойно, а тут еще и не пара-тройка человек, а большая вооруженная группа. Ничего с ними не случится.

– Помяните мое слово, – перебил его Миха, – какая-нибудь тетка решила родственников навестить и задержалась. Языками зацепились. Вы ж знаете этих баб. А может, с торговцами о поставках вовремя договориться не вышло.

– Вот! – Хрящ поднял вверх указательный палец и погрозил им угадывавшемуся в темноте потолку. – А я давно говорю, что надо нам свое хозяйство развивать. Чего мы держим-то? Ну, свиней, ну, плантации грибов, прости господи, высадили. Только разве это хозяйство? Мы пока без связи с Тульской можем прожить лишь впроголодь, а ведь в состоянии сделаться одной из зажиточных станций! А почему не живем хорошо? Потому что стараемся плохо.

– И нас объективно мало, – поддакнул Глеб.

– О да! И это тоже. Но разве это повод опускать руки? Нет, голубчики мои! Не повод вовсе! Про ВДНХ слышали? Они там как грибным чаем торговать начали, раскрутились, вот народ отовсюду и потянулся к ним. И у нас так будет, нужно только быть упорными и работящими, не разводить бардак на ровном месте! И

будем мы побогаче многих.

«С какой такой радости, интересно?» – подумал Влад, но, разумеется, промолчал. Не имел он права на подобные вопросы, да и Хрящ ничего объяснять ему не стал бы.

– А вот, скажем, если нам свиным молоком торговать, а? – заявил казначей. – Сосцов у свиньи много, упаришься, пока надоишь, еще и животные эти жадные и подозрительные, заразы. Но товар редкостный и нужный! Продукт весьма питательный. В нем, например, около восьми с половиной процентов жира, а одна свинья в день может произвести около пяти литров! О!

«Никаким молоком проблему не решить, – подумал Симонов, – да и вряд ли с ним все просто, иначе кто-нибудь уже давно придумал бы продавать его. И постоянный транзит товаров не светит Нагатинской ввиду ее расположения – весьма, надо сказать, непростого. Так и продолжим жить за счет подачек».

Если бы не сталкер Винт, время от времени навещавший Влада и делившийся с ним слухами и домыслами, тот так и остался бы в неведении относительно того, почему часть народа с Добрынинской вообще отправилась сюда. Пусть станция и страдала от перенаселенности – народ жил как на самой платформе, так и под ней, используя станционный зал под свинофермы, – но если уж люди и решались перебираться, то на другие станции содружества, а не создавать себе новый дом на периферии.

Хотя Добрынинская относилась к Ганзе, люди здесь жили бедно. Единственный плюс – дрезины по кольцевой линии ходили. Смежная с ней Серпуховская тоже похвастаться богатством не могла. На ней и не производили-то ничего. Народ жил спекуляцией. О Тульской и вовсе говорить не стоило, Нагатинской же было еще хуже. Она становилась крайней. Южнее нее находились Нагорная, Нахимовский проспект и Севастопольская – откровенно неблагополучные, а дальше вообще творилось черт-те что. Каких только россказней не ходило! Винт обмолвился однажды про ментальную опасность, жаль, не уточнил, что это значит (может, и сам не знал). Однако именно он затащил Влада в группу будущих нагатинцев и едва ли не заставил главу его взять.

«Ты держись меня, – сказал сталкер тогда Владу и заговорщицки подмигнул, – я плохого не посоветую. К тому же я тоже не собираюсь на Тульской сидеть, буду

к тебе заходить, а если что, постараюсь вывести своими тайными тропами».

«Лучше домой меня проводи», – попросил парень. Заговаривал он об этом уже не единожды, и каждый раз Винт отказывал. Он вообще не любил Красную линию и искренне полагал, будто Владу делать там нечего. Отказал и тогда.

Если и славились чем-то Тульская с Серпуховской, то разве что проживающими на них бойцами. Да и в оружии недостатка не было. Снаряжали будущих нагатинцев, как говорится, всем миром. Многие спецназовцы отправились вместе с переселенцами, да так и остались с ними, неся вахты в южных туннелях и в свободное время наставляя юнцов, таких, как Влад и Миха с Глебом, на путь истинный и обучая тому, что сами умели в совершенстве: выживать и убивать.

Винт часто отлучался по своим делам, но неизменно возвращался. Примерно через неделю-полторы он и рассказал, что дело вовсе не в расселении Добрынинской, а в создании южного форпоста, в котором были заинтересованы все три станции, заключившие между собой соответствующий договор о сотрудничестве. Они обязались поначалу, пока станция обживалась, помогать Нагатинской оружием и людьми, а также продовольствием.

«Дабы было кому, случись что, предупредить», – сказал тогда Винт.

«То есть, все мы, находящиеся здесь, – смертники», – подытожил Влад и в тот момент всерьез задумался – а не рвануть ли самостоятельно на Фрунзенскую? В конце концов, не впервой ему будет одному по туннелям шататься.

«Как и остальные жители метро, – философски ответил на это сталкер. – Ты думаешь, на Тимирязевской не смертники жили? Смертники. Только они об этом понятия не имели, пока крысы не полезли. А на синей ветке? Э-эх, парень… – и махнул рукой. – Все мы в метро эти самые смертники и есть, что вовсе не значит, будто позволим кому-нибудь себя хоронить раньше времени, – а потом он оставил поучительный тон и прямо сказал: – Ты на Добрынинской нормально жить не сумел бы. Там народец гниловатый и слишком сильная круговая порука. Не вписываешься ты, чужой ты им. На Тульскую сам не пошел бы, знаю я тебя, а здесь будет попроще. Во-первых, народу меньше, а значит, отношения между людьми более доверительные. Во-вторых, как бы плохо ты о Ганзе ни думал, а люди на Нагатинской душевные собрались. В-третьих, тебя после этакой школы

жизни с удовольствием примут где угодно, хоть в Полисе».

Утверждая последнее, Винт, конечно, хватил через край, но Симонов спорить не стал. На Нагатинской он точно не чувствовал себя лишним.

– Так вот, о чем это я? – произнес Хрящ и пожевал губами. – Этих оболтусов, – кивок в сторону Михи и Глеба, – просить о чем-либо бесполезно, поскольку ничего не запомнят, а ты, Влад, как кто появится, пришли уж весточку, будь так добр.

– У нас смена вот-вот прийти должна, – предупредил тот. – Вряд ли дождемся группы.

– Ну, а вдруг, – сказал Хрящ. – Я не обижу.

«Сказочник вы, Анатолий Борисович», – подумал Влад, но кивнул, соглашаясь.

Хрящ быстро откланялся и был таков.

– Вот же чудак-человек, – заметил Глеб, – у меня стойкое ощущение, что он по станции перемещается исключительно бегом. Ни разу его спокойно шагающим не видел.

– Вес сбрасывает, – фыркнул Миха. – Ну… Эй-эй, ты чего?!

Симонов вскочил, схватившись за автомат и передергивая затвор. Он мог поклясться: нечто ужасное надвигалось из туннеля. Парень не понимал, что именно, но оно точно существовало, неслышно подбиралось на мягких лапах и обещало скорую беду. Сердце подпрыгнуло к горлу и теперь трепыхалось в нем, его стук отдавался в висках, спина промокла от холодного пота.

– Влад, ты это… оружие положи! – тихо и ласково сказал Глеб и вздрогнул, встретив тяжелый взгляд светло-серых глаз.

Рядом, полуприсев, застыл Миха, кажется, он никак не мог решить, стоит ли обезвреживать неожиданно помешавшегося приятеля и как на него лучше накинуться, чтобы не словить пулю.

Немая сцена продолжалась, наверное, около минуты.

– Фух… – шумно выдохнул парень, опуская автомат. Паника схлынула столь же быстро, как и накатила, – мгновенно. – Показалось.

Его трясло, кожа горела, пот лил градом. Ощущение под рукой шероховатой стены, за которую Влад схватился, боясь упасть, намертво ввинтилось в память.

– Ты так больше не пугай, – попросил Миха. – Хотя я и согласен с нашим главой: всяко лучше перебздеть, чем недобздеть.

– Было жутко, – заметил Глеб. Медленно приблизившись, он забрал у Симонова автомат, а тот отдал без сопротивления и даже с облегчением. – И как ты это объяснишь?

– Паническая атака, – буркнул Влад. Голос повиновался плохо, но парень уже понемногу приходил в себя и сумел выровнять дыхание. – Винт рассказывал, подобное иной раз случается.

Еще тот упоминал, что в метро появилось немало тварей, научившихся охотиться с помощью неких психических волн, позволявших им приманивать, а затем и пожирать людей. Ходили слухи, будто у некоторых, родившихся уже под землей, имелся иммунитет к подобного рода воздействиям. На них «зов» тварей действовал с точностью до наоборот, вызывая тревогу, а иногда и неконтролируемый страх. Правда это или нет, вряд ли можно было понять самостоятельно. В конце концов, на Красной линии уже давно успешно применялись отпугиватели крыс: специальные свистки, неслышные человеческому уху, но обращающие в бегство этих бестий. Возможно, нечто точно так же действовало и на людей, вот Владу и поплохело. Пообещав себе подробно рассказать Винту о случившемся, он не обмолвился больше с приятелями ни словом.

Сменщики, ожидаемые ими уже давно, подошли минут через десять. Миха накинулся на них чуть ли не с кулаками. Завязалась перебранка, правда, тихая и довольно вялая, все же туннели бурному выяснению отношений не способствовали. Егор – лидер подменяющей их тройки – наградил Симонова подозрительным взглядом, но тут его вовремя отвлекли, и вопрос, который он

уже было решил задать, так и не прозвучал.

Обратно на станцию Глеб, Влад и Миха возвращались повеселевшие и приятно уставшие. Об инциденте забыли – если не навсегда, то хотя бы на время. Каждый предвкушал еду и глубокий сон.

– Эй, Лех! – вдруг окликнул Глеб отиравшегося у самого начала платформы парня, – а я думал, ты на Тульскую со всеми ушел.

– Как видишь, нет, – не особенно доброжелательно ответил тот, повернулся к дозорным спиной и поспешил уйти.

– Тоже мне, – пробормотал, сплюнув под ноги, Глеб. – Не очень-то и хотелось с тобой разговаривать.

– Еще один Хряк, – поддакнул ему Миха.

Сына казначея, Алексея, не любили, но терпели из-за положения, которое занимал на станции его отец, Анатолий Борисович Хрящ. И виноват в том Алексей был сам: уж слишком высокомерно цедил слова, когда с ним заговаривали, и всем своим видом показывал, будто он – особенный, а окружающие – лишь грязь на его сапогах. Почему и зачем? Чужая душа – потемки. И ведь не было в нем ничего особенного. Умом и предприимчивостью он не отличался. Отвагой – тоже. Да и выглядел совершенно бесцветным, хотя и родился наверху: практически белые, короткие волосы, серенькие редкие брови и ресницы, светло-голубые глаза, которые кто только ни называл рыбьими. Фигура долговязая, но хоть не отцовская.

Симонов во время этого короткого разговора даже глаз от пола не поднял. После сильного эмоционального напряжения, пережитого им в туннеле, его затопило полное безразличие ко всему вокруг. Единственное, чего он хотел – добраться до дома, рухнуть и проспать часов двенадцать, по возможности обойдясь без кошмаров. Лишь где-то в уголке сознания зудела мысль о том, что группы они так и не дождались, и это очень плохо.

Глава 2

Туннель неосвещенный – Влад понимал это очень четко, как и то, что вокруг него лишь легкий сумрак, позволяющий что-то различать и не натыкаться на стены. Отдельные детали даже слишком бросались в глаза, застревая в памяти.

Белели маленькие косточки крысенка у одной из стен. На ней же, вероятно, еще в прежние, мирные годы кто-то написал ярко-желтой краской: «Здесь начинается путь обреченных», а чуть ниже: «Путь домой».

Винт рассказывал, что когда-то, еще в пору его юности, сталкеры Москвы (тогда они звались диггерами) спускались под землю в поисках приключений. Большинство из них просто исследовали туннели и развлекались ролевыми играми самого разного толка: от историй про отряд гномов, пробиравшийся через гибельную Морию и спасавшийся от многочисленных ратей орков, до различных апокалиптических сценариев. При упоминании о последних на губах Винта всегда появлялась печальная улыбка, он долго смотрел, ничего не видя, словно внутрь себя, и неизменно прибавлял: «Как в воду глядели». Кажется, он был одним из тех самых сталкеров, только вовсе не играл, а пытался найти то ли библиотеку Ивана Грозного, то ли бункер Сталина, или просто ход в древние московские катакомбы. Не все ли теперь равно? Хотя и сейчас нет-нет, да ходили байки про то, как какой-нибудь бедолага, заплутавший в туннелях, выходил в эти самые катакомбы, а вот дальше всяк продолжал по-своему. То про невидимых наблюдателей рассказывали, то о тайных знаниях древних, то о призраках и прочей дряни.

Когда с юга через Нагатинскую прошел большой караван (хорошо, в дозоре тогда стояли многое повидавшие на своем веку бойцы, а не кто-нибудь вроде Михи и Глеба, кто с перепугу мог открыть огонь), один из сопровождавших его сталкеров разговорился. Вроде бы он однажды «промахнулся» мимо Площади Революции (она тогда еще не принадлежала Красной линии, и за обладание ею шли ожесточенные бои) и забрел в странный туннель, чуть ли не отвесно уходящий вниз, причем не было в нем даже намека на присутствие крыс или какой-нибудь еще живности. То ли мужика преследовали, то ли всему виной было любопытство, но полез он дальше и через некоторое время оказался в огромном зале, больше напоминавшем пещеру – уж точно не обычное метро. Он даже о сталактитах рассказывал, но тут уж Симонов ему не поверил. Откуда бы им там взяться? А посреди этой пещеры стоял самый настоящий терем, причем деревянный, но дерево было не простое, а окаменевшее. Жаль, Влад окончание не дослушал: главный по каравану дал приказ отправляться дальше.

В стене слева черным провалом выделялась ниша. В ней странным напоминанием о прежнем мире валялась кепка, состоявшая из козырька и ободка, с помощью которого она держалась на голове: ярко-оранжевая, с синими волнами и маленькой схематичной фигуркой плывущего человека. Винт рассказывал, что до Катастрофы любил купаться. Парень ему не слишком верил, искренне не понимая смысла подобного времяпрепровождения.

В подземке кое-где просачивались грунтовые воды. Для некоторых станций они представляли немалую опасность. Все еще текла речушка, убранная с глаз долой еще при каком-то из царей из-за многочисленных нечистот, в нее сливаемых, и отвратного запаха. В нее бы точно никто по доброй воле не полез. Страшно было даже предположить, какая дрянь могла там водиться, не говоря уж о различных монстрах, только и ожидавших, когда к ним притопает свежее мясо.

Мир перевернулся. Об этом можно было говорить сколько угодно, но Симонов точно не собирался горевать, страдать и заламывать руки. Он родился уже здесь: в темном таинственном лабиринте, среди туннелей, ходов и лазов, заброшенных и жилых станций с многочисленными палатками и даже коробками, заменявшими людям дома. Его жизнь протекала в сумраке, при красном аварийном освещении и волшебном сиянии неоновых и ртутных ламп. Он попросту не знал мира наверху, а все рассказы о нем воспринимал как сказки. Даже если они и являлись правдивыми, к самому Владу они не имели никакого отношения.

Из бокового ответвления потянуло гнилью, сладковатым омерзительным запахом разлагающейся плоти. Там обитало очередное чудище, то ли порожденное радиацией, то ли давно, еще в мирные времена, взращенное нечистотами огромного мегаполиса и мутировавшее под воздействием всякого рода химии, попадавшей сюда. Сейчас оно спало, и Владу совсем не с руки было его беспокоить. Гораздо сильнее тревожил его некто, шедший за ним по пятам. Человек? Мутант? Не виданное ранее существо? Призрак?.. Парень не знал и не стремился узнать, он лишь пытался идти как можно тише и спокойней, стараясь не показывать страха и не поддаваться панике, прекрасно понимая: стоит побежать или показать, будто заметил слежку, и все – конец.

А совсем рядом жили люди: выращивали грибы, кормили свиней, питались сами, смеялись и плакали, травили байки у костра, спали… И герои нового времени –

сталкеры – поднимались наверх, в более уже не принадлежащий человечеству мегаполис под древним и таким родным названием – Москва.

Преследователь приблизился, в спину ударил ледяной ветер, вмиг продравший до костей. Влад стиснул зубы, невольно ускоряя шаг и собирая в кулак всю имеющуюся в его распоряжении силу воли. Выдать себя – смерти подобно; не выдать – невозможно.

За спиной – шаги, а не цоканье по полу острых коготков, не шелест чешуйчатого тела. И шаги человеческие, не какой-нибудь дробный перестук, не позволяющий понять, сколько ног у преследователя: две, три, а то и восемь, как у коня Слейпнира, в незапамятные времена принадлежавшего какому-то северному то ли богу, то ли герою.

Выдох в самую шею. Теплый воздух пошевелил волосы на затылке, но ледяной ветер не угомонился, кажется, даже обрел большую силу – еще минута, и заморозит окончательно, превратив в ледышку или камень.

– С-скучал? Приш-шел-л, – произнесла… произнес… произнесло… неясно кто прямо на ухо, и парню просто кровь из носу захотелось обернуться, пусть это и стало бы для него началом конца. Конца всему! Именно в это мгновение он четко осознал, что спит в своей палатке, которую делит с Винтом и еще одним нагатинцем, Семеном – дозорным неблагополучного южного туннеля. Однако это ничего не значило, ведь, если обернется сейчас, уже не проснется никогда.

Ноги словно приросли к полу, но это вовсе не помешало начать поворачиваться – хотя бы периферическим зрением поймать преследователя…

– А группа так и не дошла, между прочим, а ты дрыхнешь, беды не зная, – сказали над ним громко. – Просил ведь не ставить тебя в дозор вместе с этими оболтусами: они на тебя плохо влияют. Давай-давай, глазки открывай. Зла на тебя, Влад, не хватает. Вижу же – не спишь уже.

Сон слетел мгновенно. Симонов больше не видел туннеля, не ощущал ледяного ветра и присутствия странного преследователя. По поводу последнего внутри шевелилось разочарование и сожаление, все же любопытно было, кто же это такой, но Влад отогнал все неуместные мысли усилием воли. Не до них теперь.

– Как это – не дошла?! – воскликнул он, привставая и открывая один глаз. Помотал головой, прогоняя остатки сна, и уже нормально, двумя глазами, воззрился на Семена. – Добрутро.

Крупный, лысый мужик с очень темными, едва ли не черными глазами и с кривым шрамом на подбородке, казалось, занял всю палатку, а ведь была она не такой уж и маленькой. Винта на станции уважали, ему и выделили отдельный «дом», а потом он пустил к себе пожить Симонова и Семена, мотивируя тем, что бывает здесь от случая к случаю, да и тогда часто остается у недавно овдовевшей Софьи Антоновны, заведующей свинофермами, или у Клавдии, или еще у кого-нибудь из местных женщин.

– А вот так-то, Владка, – сказал Семен и растянул губы в очень нехорошей улыбке. – Так-то… – повторил он, – никто и не думал, будто мы с севера неприятностей огребем, все за юг беспокоились, а оно, видишь, как обернулось.

– А наши точно выходили с Тульской? – усомнился парень.

– У нас еще и проблемы со связью, малой – прямо все одно к одному навалилось. С Тульской лишь тридцать минут назад поговорить удалось – сказали, группа ушла двенадцать часов назад. Даже если предположить, что заплутали, не там свернули, хотя дорогу, как облупленную, все наизусть знают, давно поняли бы ошибку и вернулись. И связь, кстати, сразу после разговора приказала долго жить. Может, эти бедолаги обратно добрались – гадай теперь.

– Странно… – проговорил Влад. Дозорный на это лишь скептически фыркнул.

– Обрывы телефонной линии и раньше случались, это как раз не беспокоит, – проговорил он. – Но вот пропажа людей… очень неприятно.

Симонов нахмурился и потер лицо ладонями. Выходит, не оттуда они ожидали опасности? Пока стерегли южный туннель, кто-то подобрался с севера?..

– Оболтусов твоих уже допросили, ничего вразумительного они так и не сообщили. А я решил с тобой переговорить, так скажем, по-соседски.

– Почему не разбудили раньше?! – удивился Влад.

– Добудишься тебя, как же, – фыркнул Семен. – Если бы не дышал учащенно, вообще могли бы предположить, будто помер или в летаргический сон впал. В общем, решили поначалу оставить тебя в покое, допросили братцев-акробатцев и начали спешно собирать группу. Как проводили, так я снова к тебе и заглянул.

– Сколько я спал?

– Часов шесть.

Парень тихо выругался. В отличие от большинства знакомых ему людей, способных урывать на сон по два часа, а потом нормально себя чувствовать, ему требовалось минимум четыре, а то и все шесть или восемь. Прикорнуть на полчаса можно было и не рассчитывать – подобное издевательство над собственным организмом было чревато головной болью и общим муторным состоянием, предшествующим обычно простуде, а также повышенной тревожностью. Лучше уж было не ложиться вообще. И спал он обычно очень крепко, не реагируя ни на кого и ни на что.

– Ты говори-говори, давай. Не молчи, – потребовал Семен. – Миха вроде начал блеять, будто ты в белый свет, как в копеечку, чуть палить не начал ни с того, ни с сего, и вообще едва не сбрендил, но Глеб его вовремя одернул.

– Вот черт…

– Угу, – покивал Семен, пофыркав, – скажи приятелю спасибо: ни в поисковые группы, ни в дозоры тебя отправлять пока не будут… дня три. Понаблюдают. И к оружию тебе, разумеется, тоже лучше не подходить. Больно его на Нагатинской много, и все прекрасно помнят, как поехавшие крышей клали окружающих почем зря.

– Может, меня еще и под домашний арест посадят? – буркнул Влад.

– На это можешь и не рассчитывать.

– Жаль. Я хоть выспался бы нормально, – проворчал Симонов и передернул плечами. Несмотря на все его усилия, недавний сон никак не шел из головы и даже не становился менее реальным, как это обычно бывает с кошмарами. – И

где я пригожусь? На свинячьей ферме?

Семен окончательно развеселился, даже взгляд его потеплел, хотя случалось подобное нечасто.

– Ну, уж от подобной участи я тебя отмазал, не боись. Палатки починять не разучился? – спросил он с усмешкой. Влад покачал головой. – Вот этим и займешься пока. А там… приставят к тебе надсмотрщика из ветеранов и погонят в туннель: либо на юг, либо на север.

– Юг?.. – не веря, переспросил парень.

– Север предпочтительнее, – не поддержал его энтузиазм Семен. – Ты ведь сам до Тульской и обратно ходил не единожды. Бывало, и в одиночку, что лично я совсем не одобряю, но отдаю должное дури юности. Повторяю тебе: не бойся загреметь в разнорабочие, я… да и многие другие сразу видим, кто чего стоит. Тебе, по-моему, на роду написано с автоматом наголо по туннелям бегать, а не сидеть на станции под крылышком у какой-нибудь наседки и человеческое поголовье увеличивать. Не случись пропажи группы, тебя уже на будущей неделе сняли бы с дозора в северном туннеле. И полетел бы ты к нам на южное направление птицей-невелицей, – он развел руками. – Но, видно, не судьба. Ты только это… – он приложил к губам указательный палец. – Не загордись, а то знаю я, какие разговоры у вас, молодежи, ходят про Нагорную, мутантов, призраков и ментальную угрозу.

– Это само собой, – вздохнул Влад. – Я не трепло. – Если он и гордился, то вовсе не переводом, а отношением этих не раз бывавших в стычках людей, разглядевших в нем нечто, чего он сам не замечал, и готовых не только учить его всему, но и в скором будущем доверить ему свои жизни.

– Ну, спящий красавец, пробудился окончательно? – поинтересовался Семен.

Симонов, фыркнув, кивнул.

– Руки не трясутся? Нервишки не шалят? Я тебя успокоил относительно дальнейшей судьбинушки?

Влад снова покивал.

– Говори, – велел Семен. – Чего с тобой приключилось?

– Да ничего особенного, – вздохнул парень, – панические атаки иной раз и просто так случаются. Судя по рассказанному тобой, предположительную гибель нашей группы я точно почувствовать не мог – время не совпадает.

– Кто ж тебя знает… – протянул Семен и нахмурился. – С вами, рожденными под землей, никогда не угадаешь, чего вы умеете. На меня, например, отсутствие нормального освещения до сих пор действует угнетающе, хотя и привык за столько-то лет, а тебе хоть бы хны. И в туннелях, в которых я – будто крот слепой, ты на стены не натыкаешься. И это ведь только первое поколение, я даже предположить боюсь, что дальше случится.

– И станем мы гномами, – усмехнулся Влад, вспомнив еще одну любимую присказку Винта.

– Или человек, наконец, откроет у себя третий глаз, – хохотнул Семен, – и познает все прелести эхолокации, рентгеновского видения и… еще чего-нибудь.

– Меня словно коснулось… – прошептал Симонов. – Такое гадостное… чуждое, непонятное, будто ночной кошмар. Только я вместо того, чтобы бежать, схватился за оружие. Палить не начал бы, здесь Миха не прав, только если бы тварь показалась, но она была далеко. Я просто ее «голос» почуял… – и замолчал, окончательно запутавшись. Слова расползались от него, как тараканы, правильно описать собственные ощущения не выходило.

– Ясно… – протянул Семен, словно действительно понял и уже сделал выводы.

В палатку просунулась всклокоченная голова Михи:

– Эй, Влад, пошли. Я приволок палатки, которые починять надо. А то вас тут слишком много, мы с Глебкой уже не поместимся.

– Вас-то за что? – удивился Симонов, решивший было, будто трудовая повинность касается его одного.

– Так оплошали же все трое, а еще на тебя не донесли.

Влад скривился и приподнял бровь. Миха вздохнул, потупил взгляд и буркнул:

– Ну… то есть, сразу не донесли, что ты за автомат схватился и резко вскочил. Ну… короче, вот. А еще, как ни крути, именно в нашу смену исчезла группа, а мы лясы точили и могли не услышать их криков о помощи, и вообще… – он махнул рукой. – Ладно, ждем тебя снаружи, – и, повздыхав, покинул палатку.

– Не бери в голову, устаканится, – шепнул Семен. – Дуй, давай, на губу. Я пока здесь посплю, заодно за тобой пригляжу.

– Как приглядишь? – фыркнул парень и полез на выход. – Из сна?

– Ага. Одним глазом.

Глава 3

Народ толпился у северного туннеля, переговаривался. Приглушенный гул голосов, многократно усиленный обитающим на станции эхом, начинал уже изрядно давить на уши. Однако вот вперед вышел главный администратор станции Нагатинская, полноправный представитель станции Тульская и Содружества Станций Кольцевой Линии, то бишь Ганзы, ответственный за безопасность на серой ветке и смотритель южного направления Виктор Никитич Щербин, в просторечье – глава.

– Тихо! – прокатилось по станции и зазвенело где-то у самого свода.

Щербин олицетворял на станции закон и порядок, никогда не позволял себе быть необъективным. Никто его за руку не ловил в плане несправедливого перераспределения ресурсов – этого было достаточно, чтобы его и уважали, и слушались практически беспрекословно.

Конечно же, недовольные имелись, да только где их нет, недовольных этих? Большинство понимало, что Нагатинская – крайняя станция, а значит, все самое

лучшее должно идти на оборону. Бойцы здесь не просто слыли привилегированным классом, они являлись таковым по сути. Им полагался дополнительный паек, премиальные. Тех, кто постоянно нес вахты в туннелях, освобождали от трудовой повинности на грибных и свиных фермах – дабы не отвлекать от самого важного. Во многом потому Влад со своими приятелями и напросились в дозорные.

Благодаря «земледельцам» жители станции не умирали от голода и могли довольно долго продержаться без поставок с других, давно уже обжитых станций, но для молодежи «копание в дерьме» казалось непривлекательным занятием. Им хотелось приключений – стать если не сталкерами, то хотя бы легендарными дозорными, способными в одиночку остановить волну мутантов и повернуть ее вспять.

Наравне с боевиками ценились техники. От их умения починить электрогенератор или водяной фильтр действительно зависело все. Еще неизвестно, от чего сдохнуть хуже: от когтей и зубов тварей, рвущих на куски и сжирающих живьем, или от мертвой воды и радиации, меняющей изнутри, превращающей еще недавно разумного и здорового человека в гнилой кусок мяса, а то и в нечто кровожадное и опасное.

А уж оружейники, способные не только починить уже имеющееся, но и модернизировать или создать нечто свое, вообще считались достоянием всего метрополитена, и берегли их, как зеницу ока. Винт предрекал времена, когда умение творить и чинить станет чем-то вроде магического искусства. И будут передаваться из уст в уста мифы и легенды о чародеях, ходящих среди людей и дышащих с ними одним воздухом. Потому-то он и не слезал с Симонова, пока тот не начал заниматься математикой, геометрией и физикой. Сталкер утверждал: это, мол, очень нужно и точно когда-нибудь пригодится.

Влад не спорил. Ему нравилось учиться, но особенно зубодробительные формулы вызывали у него ярость и отчаяние. Мозг, отупевший от физического труда и вглядывания в темноту, требовал иного приложения.

Желание заняться чем-нибудь еще, кроме изнурительного выживания, овладевало не только Симоновым. Глеб, например, когда выдавалась у него свободная минутка, рисовал. Сначала он просто водил пальцем по земле или песку. Затем Семен, разглядев его художества, посовещался однажды с главой и выдал ему зубило, молоток и несколько каменных плиток. «Ваяй, коли душа к

этому лежит. Будешь у нас кем-то вроде местного египтянина. Но, чур, только в свободное время», – усмехнувшись, сказал он. Потом «фрески» заприметили челноки, пришедшие на Нагатинскую с Тульской – посмотреть, как дела обстоят, чем люди живут, и не удастся ли чего приобрести-толкнуть. Каменные картинки они купили за патроны и даже, говорят, очень выгодно продали.

«Выживание выживанием, а душа человеческая все равно требует большего, высшего, горных вершин, преодоления и искусства», – утверждал Винт и рассказывал о странных людях, кочующих от станции к станции, причем не только по ярмаркам Ганзы, но порой и далеко за их пределами.

«Не столь и малочисленными группами они передвигаются, – говорил он, – словно бы и челноки, но другие. Могут они, конечно, и товаром приторговывать, вроде того же чая, которым ВДНХ знаменита, но основной доход получают от всевозможных поделок, рассказов, песен и танцев. Даже гадалки у них встречаются».

Влад слушал, удивляясь. Либо ему не везло по жизни, либо склад ума был иным, но он не представлял, как можно платить за то, что тебе расскажут какую-нибудь историю или споют песенку. Или того пуще – наплетут с три короба, якобы предсказывая судьбу. Винт, видя его сомнения, лишь посмеивался: «Жизнь остается жизнью и, несмотря ни на что, никто не желает для себя, знакомых, да и человечества в целом полного оскотинивания. Вот и привечают на станциях искусников, скоморохов или, как их прозвали на Ганзе, менестрелей». Винт еще пренебрежительно добавлял, будто на Красной ветке их кличут цыганами и не особенно жалуют, но такие его слова парень предпочитал пропускать мимо ушей.

Багровый станционный свет слегка усилился. В нем седая макушка главы начала отсвечивать кроваво-красным. Как-то по-особенному выделялся прорезанный глубокими морщинами лоб, а глаза будто запали или вовсе отсутствовали – лишь глазницы недобро темнели на скуластом лице. Глава станции, Виктор Никитич, не только вызывал Винта к себе, но и лично заявлялся порой к нему в палатку, и пусть Симонова немедленно отсылали из нее куда подальше, главного человека станции он видел вблизи и находил совершенно обыкновенным. Не было в нем ничего особенного на самом-то деле. Однако сейчас казалось – перед ними не совсем человек. А кто, Влад ответить затруднялся. Хотя в книжке про братство кольца, попавшей по счастливой случайности в его руки месяц назад, имелась замечательная иллюстрация. Пожалуй, именно Балрога, демона огня, и

напоминал сейчас глава сильнее всего.

– Поскольку уже поползли слухи, – надтреснутым, хриплым, но неожиданно сильным голосом проговорил он, – считаю необходимым сделать официальное заявление и ситуацию прояснить. Для начала по исчезнувшей группе, вернее, по двум.

Шепотки прекратились. Имелись бы поблизости крысы, удалось бы услышать их шуршание и попискивание, но их не было. Мертвая тишина, правда, не наступила: люди продолжали переминаться с ноги на ногу, шуршать одеждой и, в конце концов, дышать.

– Прошло уже два дня, приходится констатировать, что людей мы потеряли.

Из многих глоток вырвался полувздох-полустон. Первая группа насчитывала человек десять: в основном, торговцы и те, кто, отправился навестить родственников. Их, конечно, сопровождали люди с оружием, но не слишком опытные, на уровне того же Симонова или Михи с Глебом. Никто не ждал беды с северного направления. Охрана группы была формальной, чисто для галочки, поскольку инструкцией положено. Во вторую уже входили хорошо вооруженные ветераны и техник, который успел устранить неполадки с телефонной линией прежде, чем эта группа тоже исчезла безвозвратно – пугающе тихо и без единого выстрела.

– Я связался с Тульской. Там подтверждают, что никто с нашей стороны до них не доходил, – продолжал тем временем глава.

Кто-то, стоящий сзади и чуть справа от Влада, грязно выругался тихим хриплым голосом. Тот машинально обернулся, но говорившего не увидел. Теперь там стояла испуганно зажимавшая рот женщина – Виктория Синельникова, потерявшая в той, первой, группе сестру и мать, а во второй – отца.

Симонов тотчас отвернулся, на несколько долгих секунд задержав дыхание, сжав кулаки и прикусив губу. Он чуть ли не до колик, трясучки и зубовного скрежета боялся находиться рядом, говорить или мельком пересекаться взглядом с людьми, потерявшими родичей и переживавшими это горе. Порой парень даже думал, что ему повезло: никого по-настоящему близкого у него не имелось. Конечно, потерять однажды Винта или кого-то из немногочисленных

друзей, Семена, с которым привык беседовать и делить палатку, будет очень неприятно и больно, но после этого жизнь не прекратится.

– Вот так и живем, – вздохнул кто-то. – Ждали беды с юга, а она с севера прокралась.

– Через час мы направим по северному туннелю третью группу. В нее войдут проверенные бойцы с южной границы, – говорил тем временем Щербин, не отвлекаясь. – На станции вводится чрезвычайное положение. Патрули усиливаются. Не задействованным в дозорах людям строго-настрого запрещается углубляться в туннели, – и добавил совсем другим, усталым и доверительным тоном: – Надо собраться, не паниковать, отвлечься, занять руки, а работы у нас для всех хватит.

– Что, если и эта группа пропадет? – спросил Иван Иваныч, главный техник станции, очень уважаемый человек. От административных дел он всегда старался держаться подальше, решений Виктора Никитича не оспаривал, лишних вопросов не задавал, говоря, что у него своя работа, но сейчас, видимо, и его проняло.

– Тогда и будем думать, – ответил глава.

– А можно поконкретнее?! – раздалось из задних рядов. Влад не без удивления узнал голос Алексея, сына станционного казначея, – раздраженный, и в то же время явно насмешливый. Так Алексей раньше позволял себе говорить разве что с ровесниками и «малышней», к которой причислял и Симонова – тот был младше него на целых шесть лет.

Хрящ-младший, пусть и ходил в дозоры, и нес вахты наравне со всеми, намеревался со временем занять место отца и уже начал вникать в детали его работы. Отчасти потому и перед главой лебезил, и раньше никогда не позволил бы себе не только подобного тона, но и выкриков с места.

«Странно…» – промелькнуло в голове у парня, но додумать мысль он не успел.

– Станция Нагатинская заключила известный всем вам договор. Возрождение станции в столь быстрые сроки было бы невозможно без поддержки Тульской, Серпуховской и Добрынинской. Наши люди в основном – уроженцы этих станций,

хотя есть и пришлые. Но я готов признать и тот факт, что обратно нас не слишком-то ждут. Кого-то примут хоть сейчас, разумеется, но… – Щербин немного помолчал.

– Безрадостная перспективка какая-то, – заметил Алексей.

– Зато честная, – внезапно усмехнувшись, сказал глава. – И я хочу вынести на ваш суд три предложения. Первое: мы все, как говорят здесь некоторые, собираем манатки и уматываем на север по той дороге, по которой пришли, – народ загудел, но тотчас умолк, стоило Щербину поднять руку. – Второе: мы остаемся здесь, обкладываемся со всех сторон пулеметами и прочей убойной техникой, включая огнеметы, выставляем усиленные дозоры, патрулируем оба туннеля так, словно нас осадили твари, и никуда не ходим сами. Запасов у нас хватит, если не шиковать, ресурсов тоже пока достаточно. Грибные фермы расширим, благо, место есть. Опять же, у нас имеется немалое преимущество в сравнении с той же Добрынинской: перенаселенность Нагатинской явно не грозит еще очень долго. Все это, разумеется, не говорит о полной изоляции. Караваны к нам доходить будут, – он помолчал немного и все же добавил, изрядно понизив голос: – И через нас идти – в том числе.

«Ну да… было же такое, что через станцию проходили, – подумал Влад. – Хотя и чудно это. Кого ни спроси, всяк скажет, будто на юге серой ветки жизни нет, и даже приплетут миллион и одну историю о призраках и о прочей чертовщине».

– Как в сказке, – фыркнул Иван Иваныч. – Только в сказках третий путь положен, а ты о нем умалчиваешь. Какой третий вариант? Не тяни.

– А третий сам собой напрашивается, – сказал ему Щербин с улыбкой. – Исходя из сложившейся ситуации, от некой гадости, притаившейся, а может, и идущей именно с севера, целесообразно нам податься на юг. Разумеется, лишь в том случае, если вернуться на станции своего прежнего проживания возжелает большинство, и у нас не останется сил поддерживать и дальше достойную жизнь на Нагатинской.

– То есть как?! – ахнули несколько человек одновременно.

– Ишь, раскаркались, – цыкнул на них Иван Иваныч. – А вы чего думали, референдум проведем и за большинством потопаем? Это вам тогда на Красную

ветку переселиться следует, там рай земной для тех, кто строем ходит. Лично я… – он немного помолчал, – староват уже для туда-сюда-обратно и вообще невозвращенец по жизни. Я либо здесь останусь, либо пойду на юг. Все равно я – атеист и не верю в призраков.

– Да кому мы там нужны? – зычно пробасил Павел Никонов, занимавшийся всем грибным хозяйством и сильно радовавшийся наличию обширных угодий для грибниц. – Не пойду никуда. На Добрынинской бомжевать? Я здесь человеком стал и обратно в муравьи не хочу. Остаемся.

– И передохнем, как мухи, – тотчас возразили ему.

Собрание медленно превращалось в несанкционированный митинг, а то и вообще в полный бардак. Влад вздохнул. До очередного дозора оставалось не так уж и долго. Правда, он пока не имел ни малейшего понятия, куда ему заступать, и снято ли с него наказание вообще.

В этот момент его бесцеремонно ухватили за плечо и потянули в сторону. Парень инстинктивно дернулся и лишь после того, как хватка ослабла, оглянулся. Рядом с ним стоял Семен в полном боевом облачении, с автоматом наперевес. Бронежилет – потрепанный, но готовый служить хозяину верой и правдой – делал солидную фигуру соседа еще крупнее. Обычно, отправляясь в дозор, он броник не надевал, разумно полагая, что твари стрелять в него не станут точно, однако сегодня, видимо, изменил свою точку зрения. В кобуре на бедре висел ТТ. Семен улыбался во все тридцать два зуба и выглядел довольным.

– Ты идешь с группой? – голос его неожиданно дрогнул. Симонов поспешил откашляться и улыбнулся в ответ, хотя на душе вдруг стало очень тревожно. Сколько раз он представлял себе похожее прощание; думал о необходимости быть твердым и решительным, ни в коем случае не собирался выказывать эмоции, даже почти убедил себя в том, что в такие времена, как сейчас, абсолютно нормально расставаться с друзьями навсегда. Такова жизнь, в конце-то концов. А теперь он совершенно растерялся, вмиг ощутив себя мальчишкой или даже ребенком, которому не зазорно ухватить огромного сильного дядю, отчего-то воспринимавшегося едва ли не старшим братом, за штанину и попросить никуда не уходить. И плевать, что Влад почти догнал Семена в росте, и ему давно уже не восемь лет. Плохо было все равно. После исчезновения двух групп все, кто входил в третью, казались смертниками.

Сосед хмыкнул и поглядел так, словно все понял и вообще давно уже практиковал чтение мыслей; мотнул головой в сторону от толпы, предлагая отойти. Парень кивнул и принялся пробираться вслед за ним. Люди, пусть и стояли кучно, предпочитали потесниться и отойти с дороги огромного боевика. Семен казался ледоколом, проламывающим и отодвигающим в стороны ледяные глыбы. Влад – небольшим суденышком, пристроившимся за ним и следующим по спокойной воде без малейших помех.

– Меняемся с тобой сегодня, – сказал сосед, когда они оказались вдали от лишних глаз и ушей. – Я – на север, ты – на юг. И, заметь, снова мне достается самое интересное.

Парень передернул плечами.

– Чур, в палатку никого нового не пускать, – рассмеялся Семен, но тотчас посерьезнел. – Не дрейфь, прорвемся.

– Угу, – ни на что большее Симонова попросту не хватило.

– Знаешь, из-за чего возникает большинство страхов, Влад?

– Из-за неизвестности, – ответил тот, практически не задумываясь.

– Точно! – согласно кивнул Семен. – Но ведь существует утверждение: я знаю, что ничего не знаю. Означает ли подобное, будто всю жизнь мы трясемся от страха?

– Нет, – качнул головой парень.

– Ну, вот и не кисни, – снова широко улыбнулся Семен. – Еще ни одна тварь меня не съела, хотя пытавшихся хотя бы понадкусывать встречалось немало.

– Потому ты в бронике? – не удержался Симонов от вопроса.

– Точно. Он у меня типа талисмана. Пару раз жизнь спас, не поверишь.

Ну, отчего же? Владу иногда казалось, будто он готов поверить буквально во все.

– Теперь от лирики переходим к физике, – сказал Семен. – Заступаешь в южный туннель вместе со своими обалдуями. Кроме вас, в дозоре будет еще человек пять, но все равно, смотри в оба и ушки держи на макушке, а хвост – пистолетом. Не хватало еще, чтобы пока мы выслеживаем одну тварюгу, вторая подобралась к нам с тыла.

– Я постараюсь.

– И вот еще что… Почувствуешь снова приближение паники – ни в коем случае не дави ее, а сразу тереби Кириллыча, он в вашем дозоре будет за главного. Я предупредил – присмотрит за тобой и помощь вызовет, если понадобится.

– Так… погоди, – парень почесал в затылке и нахмурился. – Ты что же, действительно считаешь, будто я почуял тварь?

– Будь моя воля, взял бы тебя с собой, но глава на этот раз больно суров, да и совесть у меня все же не совсем атрофировалась и отпала за ненадобностью. Потому живи, – пожелал Семен и хлопнул его по плечу. – Удачи, и беги уже. Кириллыч ждать не любит, – взглянув на часы, добавил он, после чего снова широко улыбнулся и побрел к северному туннелю.

Влад терпеть не мог прощаний, но почему-то вместо того, чтобы развернуться и поспешить к южному концу станции, он стоял как вкопанный и смотрел вслед Семену, во всех подробностях запоминая прямую спину, легкую, быструю походку и отсветы багрового освещения на лысой голове.

Глава 4

– Сам-то что думаешь? – поинтересовался Глеб, подсвечивая фонарем стену туннеля, тянувшуюся по правую руку.

– О чем ты? – спросил Симонов. На мгновение ему показалось, будто луч высветил какую-то надпись, но когда сам он направил на это место фонарь, то ничего не обнаружил.

Побегать, чтобы не опоздать, ему пришлось изрядно. Когда он достиг южного туннеля, возле него, переминаясь с ноги на ногу, стояло двадцать человек. Через пару минут подошел Кириллыч, смерил всех взглядом, пожал руки присутствующим и повел в темноту.

Поначалу шли все вместе, но вскоре им предстояло разделиться на три дозора: на пятидесятом, сотом и сто пятидесятом метре от станции. Пятеро, включая Миху, уже остались за спиной. В случае серьезного прорыва они будут последним щитом. Именно у них стоял чудовищный огнемет, готовый выжечь все живое.

Зная, какое сокрушительное оружие направлено в спину, было тревожно идти по туннелю. Не то чтобы Влад совсем не доверял окружающим его людям, но где-то в глубине души готовился к отвратительной, мучительной, но хотя бы быстрой смерти, если кто-нибудь вдруг сбрендит и разглядит очередных призраков в темноте, в которой ничегошеньки нет.

Тьма – она такая. Может стать другом и проводником, а может заморочить и свести с ума.

– Ты дурачка из себя не строй, – обиделся Глеб. – Я о том спрашиваю, о чем глава сказал.

Симонов хмыкнул. Однозначного ответа у него не имелось. Больше всего ему хотелось повторить слова Щербина: поживем – увидим.

Не ко времени и не к месту припомнился улыбающийся Семен в полном боевом облачении. Не мог он не понимать, на какую рискованную операцию подписался. Те, кто сопровождал вторую группу, вовсе не были зелеными юнцами. Однако радовался предстоящему опасному, если не смертельному, походу Семен абсолютно искренне – как скаковой конь, застоявшийся в деннике, – участию в скачках.

Хотелось бы Владу так же: жить без оглядки и от риска приходить в восторг. Адреналин, говорят, тот еще наркотик. Но парень попросту не мог, он не понимал, каково это – срываться в бой, не помня себя и полностью отдаваясь желанию победить любой ценой. Геройство геройством, благородные порывы благородными порывами, но должна была присутствовать некая внутренняя дурь в хорошем смысле этого слова, тяга к приключениям и уверенность в себе. Ничего подобного Влад не испытывал, хотя и старался честно выполнять возложенные на него обязанности и в дозоре не только лясы точил и чаек попивал.

– Домой хочу, – сказал он честно, решив ничего не придумывать.

– Домой? – переспросил Глеб и нахмурился. – На Добрынинскую? Но там ведь делать совершенно нечего.

Влад вздохнул. Его товарищ был уроженцем именно этой станции, потому и слово «дом» воспринял соответственно, совсем не подумав, что у собеседника он другой.

– На Фрунзенскую, – ответил Симонов. – Представь себе, я все еще надеюсь на нее вернуться.

– А я думал, ты уже давно выкинул из головы эту чушь, – буркнул Глеб, почему-то расстроившись.

Влад отвечать не стал, только покачал головой.

– Ты же со сталкером в одной палатке живешь, и вообще, Винт тебя опекает, – напомнил Глеб. – Уговорил бы его проводить, раз никто из наших к красным коммунякам не ходит.

– Масло масляное, – заметил Симонов.

– В смысле? – не понял его собеседник.

– Как будто бывают белые коммунисты, – фыркнув, пояснил тот. – А Винта я уговариваю уже давно, да все без толку. С ним вообще все непросто. Когда

часто отлучается, забегает в палатку от случая к случаю, мы нормально общаемся. Однако стоит ему задержаться… – Влад покачал головой. – Спорить начинаем чуть ли не по любому поводу. У него взгляды на жизнь совершенно не совпадают с моими, а он ведь еще и давить пытается. Нет. Не пойдет он до Фрунзенской, а я с ним не собираюсь тащиться наверх, как бы он ни пытался вырастить из меня своего преемника.

– Забей… – посоветовал Глеб. – Старики все такие. А ты, значит, не очень-то и хочешь возвращаться на эту свою Фрунзенскую, – заметил он и улыбнулся. – Ты ж однажды уже в одиночку по туннелям ходил. И еще раз сумел бы.

– Наверное… – Симонов резко остановился, сам не поняв, почему, – просто ноги внезапно отказались идти дальше. Щекам стало жарко, но по позвоночнику сбежала струйка ледяного пота.

– Ты чего? – нахмурился его спутник.

Влад тихо выругался сквозь зубы, использовав парочку выражений, позаимствованных у Семена.

«Вдох-выдох, – он мысленно пнул самого себя. – Еще. И сосчитать про себя до десяти. И идти, а то уже народ оглядывается, а Кириллыч – самый главный по дозору, мужик лет пятидесяти – таращится, можно сказать, просто неприлично и наверняка подозревает черт-те в чем».

– Ничего, – прошипел он вслух. – На Добрынинскую не вернусь точно, если тебя это волнует.

– Ура! Волнует, – заверил Глеб и похлопал его по плечу. – Оставайся с нами, Влад. Будем тремя мушкетерами, исследователями новых станций. Один за всех, и все за одного.

Взгляд Глеба стал мечтательным, он разве только руки не потирал, предвкушая скорые приключения, и всем своим видом неожиданно напомнил Семена. Похожий задор и бесшабашность бурлили и в его крови, а вот Симонов подобных чувств, увы, не разделял. Слишком уж серьезным казалось ему происходящее.

– А твои как? – поинтересовался он, решив вернуть спутника в родные туннели и слегка охладить. – Тоже останутся?

– Не-а. Родичи вернутся на Ганзу, я уже поставил их перед фактом, что ноги моей на Добрынинской не будет, и пусть маман засунет свои матримониальные планы туда, откуда вытащила. Мне двадцать лет! Не желаю я семьей обзаводиться и возиться с пеленками. Мир велик, и в нем столько всего интересного! Я для себя пожить хочу!

– А отец?

– Батя у меня – свой в доску и все понимает. Так и сказал: мол, взрослый ты уже, и жить тебе самому. Маман – в слезы, но для проформы, скорее, показательно. Она вообще тот еще манипулятор, да только я уже давно ее фокусы назубок выучил. Мне только младших жаль: я-то отделался малой кровью, а вот им, когда подрастут, туго придется. Особенно Нюрке. Ей четырнадцать, и она уже норов показывает, а Нинка Королева, которую Иваныч техническому делу учит, для нее вообще кумир. Если не отпустят, сама из дому сбежит, не с нами на юг, так на какую-нибудь другую станцию.

Нина – вернее, по-настоящему звали ее Инна, но Иванычу это имя не нравилось и никак не ложилось на язык, – бредила всем техническим и электронным. Она, казалось, нутром чуяла, что где сломается в следующий момент и как это починить. По поводу своего переименования она не особенно и возражала, для нее совершенно иное главным было: ее учили электротехнике, до которой не каждого мужчину допускали. Потому на станции она держалась особняком, не желала заводить никаких романов, а любых ухажеров сразу посылала по известному адресу и хорошо, если цензурно. Ситуация в семье у нее складывалась почти как у Глеба, с одной лишь разницей: фразу «Тебе жить, думай сама» говорила матушка, которая, в сущности, и решала все основные вопросы.

Нина-Инна тоже выросла в полной семье, что еще сильнее укрепило Влада в уверенности, будто вся эта тяга к приключениям и к поиску себя – не просто так. Слишком уж опекали чад родители, больно настойчиво пытались привить им свою жизненную философию, сводящуюся к размеренному, спокойному существованию, самореализации в детях и тихому счастью друг с другом. Кому же подобное в двадцать лет понравится, особенно если ничего плохого никогда не видел и близких не терял? Вот и росло на многих благополучных станциях

поколение бунтарей: тех, для кого героями были сталкеры и прочие одиночки.

– А у Михи никаких проблем не возникло: никто обратно идти не захотел. У него мать – на ферме начальница над всей сменой, а отец – важный технический работник. Оба на хорошем счету у главы и точно не хотят быть незнамо кем на Добрынинской. Для них переезд на Нагатинскую, наоборот…

Развить мысль ему не дали, потому как дозор подошел ко второму рубежу. Тут тоже имелась насыпь, увенчанная двумя пулеметами. Несмотря на ожидающий за спиной огнемет, нагатинцы все же рассчитывали отбиться именно здесь.

– Семеро остаются, остальные – за мной, – распорядился Кириллыч и, видимо, опасаясь, как бы необстрелянные новички не поняли его неверно, уточнил: – Глеб Кондрашев на сотом, Влад Симонов – на сто пятидесятый шагом марш.

– Ну, брат, бывай, – Глеб ударил товарища по плечу и озорно улыбнулся. Судя по выражению лица, он был рад именно такому раскладу: не возле станции, но и не в разведке, да и народу вокруг много – отобьются, в крайнем случае. – Береги там себя и смотри в оба.

– Пока, – отмахнулся от него Влад, не видевший ни малейшего смысла в подобного рода прощаниях. На пятидесятом Глеб с Михой чуть ли не обнялись, вызвав усмешки у большинства бойцов.

И пошли они дальше. Яркие фонари были у всех, но мглу они не рассеивали, а отгоняли всего на метр вокруг. Гулко звучали шаги. На стенах временами поблескивали капельки влаги. В какой-то момент Кириллыч поравнялся с Симоновым.

– Как, салага? Нормально? – спросил он.

Влад кивнул. Вдаваться в подробности ему не хотелось, ведь вопрос мог касаться как самочувствия, так и недавно испытанной паники.

– Хорошо. Если что…

– Я понял, – намного резче, чем хотел, ответил парень. – Семен говорил со мной перед тем, как ушел с группой.

– А… – протянул Кириллыч, не обративший, казалось, на неподобающий тон внимания. – Ну, тогда ладно. Будешь нашей палочкой-выручалочкой.

Влад так и не понял, шутил главный дозорный или нет, просто еще раз кивнул, ну а там и столб с отметкой «150» в черно-желтую косую полоску замаячил впереди. Стоило подойти к нему ближе, перед глазами предстала табличка, на которой почерками разной степени корявости значилось: «Добро пожаловать в Морию» (видимо, автору тоже попадалась в руки книга, которую недавно прочел Влад); «Оставь надежду всяк сюда входящий»; «В наших пещерах тепло и сухо, заходите без стука, драконы гостеприимный народ». Остальные разобрать было не так уж и просто, насчитывалось их никак не меньше десятка.

– Что? Занятно? – поинтересовался у Влада крепкий усатый мужик лет сорока.

Тот кивнул.

– Бравые дозорные на досуге упражнялись в остроумии, – усмехнулся Кириллыч.

– Ничто человеческое нам не чуждо, – хмыкнул усатый.

«А еще нас обзывали оболтусами», – отметил про себя Влад, но, разумеется, счел за лучшее не озвучивать эту мысль.

Тем временем запалили костерок и водрузили на огонь неизменный чайник. Уже через несколько минут получивший свою кружку Симонов привалился к стене и с улыбкой слушал очередную байку усатого. Дежурство в северном туннеле почти не отличалось от дозора в южном. Разве что здесь все же казалось опаснее.

Сколько раз, бывало, Влад с Михой и Глебом затихали и, судорожно вцепившись в автоматы, вглядывались и вслушивались во тьму, когда раздавался какой-нибудь шум, казавшийся им подозрительным. Однажды чуть не открыли огонь по сунувшемуся к станции без предупреждения сталкеру (мужик так и не понял, что был на волосок от смерти). Как-то увидели большую то ли крысу, то ли собаку – их по нынешним временам часто путали – однако та вовсе не

стремилась нападать и вообще, видимо, забрела в их туннель абсолютно случайно – посверкала оранжевыми глазищами и скрылась.

А здесь, в южном туннеле, – абсолютная тишина. Причем вовсе не мертвая или зловещая, а самая обычная.

– Ну и как тебе, малец? Не боязно? – спросил у Влада высоченный боевик с мясистым лицом и почти бесцветными светло-голубыми глазами.

Парень покачал головой и ответил первое, что пришло в голову:

– Очень спокойно.

– Вот!.. – протянул другой. По сравнению с первым он был невысокий и очень худой, но под водолазкой серого цвета бугрились мышцы, а резкость и быстрота движений удивляли.

«Пожалуй, вздумай эти двое выяснить отношения, неизвестно, кто одержит верх», – подумал Симонов.

– Те, кого скрывает мгла, наблюдают за тобой постоянно. Они хотят, чтобы ты думал, будто здесь никого нет, влияют на тебя ментально, успокаивают… – продолжал боец. – Знаешь ли ты, кто такие сновы?

Влад качнул головой.

– У… братец, – состроив зловещую гримасу, произнес другой боец: смуглый и во всем черном. – Это призраки такие. Сами они чернее черного, а глаза алым светятся…

– А с чего вы взяли, будто призраки? – поинтересовался парень. – И как разглядели, если они черные? Туннель ведь не освещен.

Он спрашивал абсолютно серьезно, потому искренне удивился и растерялся, когда боевик громко загоготал, а затем к нему присоединился и его приятель, первым заговоривший о сновах. Сдерживаться они и не подумали, словно совершенно не боялись привлечь внимание обитателей южного туннеля;

наверное, не верили, будто те вообще существуют, просто хотели подшутить над новичком.

– Ай, молодца! Далеко пойдет, да, Валерка? – отсмеявшись, спросил смуглый.

– Вполне может, – смерив Влада оценивающим взглядом, заметил тот.

Симонов же теперь прислушивался не столько к разговору, сколько к продолжавшему греметь по туннелю эху. Почему-то оно казалось необычным, лишь частично похожим на смех, а еще раздавался странный перестук. Винт как-то изображал похожий, бряцая ножом по пустым жестяным кружкам. Он утверждал, будто именно такой звук сопровождал несущиеся по туннелям поезда.

«Только этого не хватало!» – подумал Влад, сглотнул и, закашлявшись, немедленно приложился к кружке. Стук стал ослабевать, а затем исчез вовсе. Рассказывать о нем точно не стоило: засмеяли бы.

– А ты лучше бы, чем зубоскалить, поддержал приятеля, – заметил означенный Валерий. – А то ж совсем разочаруем мальчишку. Они ведь в своем северном глядят на нас чуть ли не как на небожителей, а оказывается, у нас работа абсолютно такая же, даже еще тише. Никто к нам не лезет, ни от кого не отстреливаемся.

– Эка ты хватил, – фыркнул бородатый мужик за тридцать с гладко выбритой головой – Александр Молчанов, один из немногих, кого Влад запомнил по имени. – Сталкеры – вот, кто нынче кумиры молодежи. Верно, парень?

Симонов повел плечом. Он понимал, что является здесь человеком новым и лишь потому притягивает к себе взгляды дозорных. Обычно настойчивое внимание практически незнакомых ему людей Владу не нравилось, но сейчас льстило, и на сердце было не только спокойно, но и тепло и весело.

– За себя не скажу, – ответил он. – Каждому свое, видимо.

– О! – заметил Валерий. – Слова не мужа, но уже и не мальчика. Ты только не порть нам легенду, не распространяйся на станции про здешнее спокойствие, а

то еще запрягут чем-нибудь хлопотным.

Влад кивнул:

– Обещаю.

– Пока будешь ходить с нами, – заметил Кириллыч. Он, хоть и сел вдали от парня, по другую сторону костерка, смотрел внимательно, не пропуская ни одного слова и движения. Следил, то ли выполняя обещание, данное Семену, то ли руководствуясь собственными соображениями.

– Из-за того, что беду проморгали именно мы, дозорные северного туннеля? – прямо глядя ему в глаза, спросил Симонов.

– Можно подумать, вы, мальчишки, могли чего-то там углядеть, – вздохнул Молчанов. – Хорошо еще, вас, необстрелянных, самих не съели. И вы можете на меня шикать сколько угодно, братцы, но ответственность за бардак в северном лежит именно на главе. Ему, видите ли, жалко было отправить с пацанами хотя бы одного нормального ветерана. Ну ладно, допустим, тот же Семен незаменим в стычках, его так просто с юга не снимешь, но вот Тыртыша отчего не перевести на северное направление? Он бы молодняк заодно и подучил, и на правильный лад настроил. Умение группы приближающиеся слышать дорогого стоит.

Означенный Тыртыш на самом деле звался Тыртышниковым Николаем Петровичем и являлся всеми уважаемым ветераном и едва ли не самым старым боевиком подземки. С виду ему можно было дать лет шестьдесят, но люди, знавшие его лично, всегда лишь хмыкали и желали всем, в том числе и самим себе, выглядеть так в настоящие годы Тыртыша. К тому же он действительно умел «слышать туннели» и никогда не ошибался относительно того, кто приближается из темноты.

«Скорее всего, именно благодаря его чуткому слуху дозорные не открыли огня по тому неожиданному каравану, идущему с якобы нежилого юга», – подумал Влад.

– Нет, – наконец, ответил Кириллыч, пристально глядя на Симонова, и одобрительно кивнул. Видимо, и сам вопрос, и то, как он был задан, пришлось

ему по душе. – Ничего вы на самом деле сделать не могли. И хорошо, что тоже не исчезли, как остальные. Вас ведь никто не учил, как надо.

– У нас инструкция была, – возражать не хотелось, но молчать, соглашаясь с чужим снисхождением к молодости и неопытности их троицы, Влад посчитал неправильным.

– Какая там инструкция? – презрительно поморщился Валерий. – Если что, стреляйте, но просто так не палите?

– Да… глава здесь оплошал, – продолжил Кириллыч. – Он – мужик толковый, зря ты, Сашка. Просто не за всем уследить может. Скинул вопрос на того же Хряща, а тот – человек-лозунг. В смысле, именно ими, лозунгами, и разговаривает, и очень похоже, будто и думает тоже ими. Он и решил, мол, коли туннель хоженый-перехоженый и неопасный, пусть и торчат там не специалисты, а кто-нибудь попроще.

Влад вздохнул. Была в их словах определенная правда. Но при этом и самого себя принижать совсем не хотелось. Кое-что все-таки они втроем могли и умели. И, случись беда, точно не дрогнули бы.

Глава 5

– Ну… и?..

– Все тебе расскажи.

– Не, ну вы хотя бы целовались? Он как вообще?

Голоса звучали слегка приглушенно, но слова разобрать можно было. Влад, остановившийся у колонны в непосредственной близости от беседующих девиц, однако, и не думал подслушивать, его гораздо сильнее волновали собственные мысли. Именно они погнали его к северному туннелю, откуда должна была показаться группа… или не показаться – в самом наихудшем из возможных случаев. Даже усталость, неизменно накатывавшая после дозора, отступила на

дальний план. Выспаться можно и после.

Если последняя группа тоже исчезнет, туннель будет признан опасным. Придется решать: идти по нему обратно, надеясь, что на несколько десятков людей никто не нападет; оставаться здесь, но выживать без посторонней помощи; углубляться на юг, тем паче, там действительно спокойно и тихо. Или, чем черт не шутит, искать еще какой-то выход. Ведь там, где вариантов развития событий больше двух, всегда есть не только три возможности, но и четыре, возможно, даже пять, просто люди их не видят или считают заведомо нереальными, потому и не обсуждают.

За все время, которое Симонов провел в дозоре, темнота не обеспокоила ни малейшим подозрительным шорохом. Южный туннель казался вымершим, не обещал сюрпризов, и пусть бывалые дозорные рассказывали всякого рода байки о здешних обитателях, Влад ими не проникался. Возникла даже странная идея как-нибудь предпринять поход на следующую станцию, Нагорную, а ведь парень не был искателем приключений: после его бегства от фашистов и блуждания по туннелям, его воротило от одной только мысли о путешествиях в одиночку.

– А потом? – вторгся в мысли вопрос, заданный с придыханием и с предвкушением. Девицы продолжали обсуждать свои амурные дела.

– Затем он поднял меня на руки, заключив в крепкие объятия. Я обняла ногами его талию и… ох, знала бы ты, что он вытворял. Сильные руки блуждали по моему телу…

Если бы Симонов увлекался подобного рода литературой, то, скорее всего, узнал бы по стилю и описательным оборотам стандартные фразы из большинства женских романчиков, неизменно бродящих по подземке и пленяющих женскую аудиторию метро. Девочкам, девушкам, женщинам и пожилым матронам было совершенно безразлично, какая эпоха, быт и герои описаны в книгах, действовал ли в них какой-нибудь граф, разбойник с большой дороги, детектив или отважный капитан звездолета. Их привлекали сами отношения, и ничего более.

Разумеется, романтическая чушь примерялась читательницами на себя, а потому и в повседневной жизни, какой бы суровой она ни была, мужской половине выжившего человечества приходилось соответствовать образам многочисленных романтических героев, написанных под одну гребенку. Если

они собирались понравиться дамам, приходилось считаться с их запросами. Некоторых это бесило, кому-то, наоборот, нравилось. Тот же Алексей не просто так добился благосклонности Марии, племянницы главы и всеми признанной красавицы: лично проштудировал пять романов, отвалив за них немалые средства, после чего преподнес их в дар избраннице, встав на колено и приложив к груди руку.

Конечно же, среди женщин существовали и другие. Те, кто не забивал себе голову извечной любовной чушью, не искал легкой жизни, когда «муж всегда поможет, еще и подарки дарить станет», не поддавался на лозунги проповедников-пропагандистов, озабоченных выживанием человечества и потому призывающих женщин всея метро рожать, рожать и еще раз рожать – все равно, от кого, лишь бы народу прибавлялось. Они считали себя ничем не лучше и не хуже мужчин и желали сами найти свое место в жизни. Как та же Нина-Инна Королева.

«Только вряд ли к таким легко подступиться. Им надо делами доказывать, а не брать наскоком. За наскок и по морде получить недолго, – рассказывал как-то Семен, и на лице его бродила улыбка, которую так и подмывало назвать мечтательной. – Однако, Влад, если действительно хочешь счастья, ищи не таких вот Машек-вертихвосток и не забитых куриц, которым поскорее бы свою «ячейку общества» завести и обязанности на мужа сложить, а боевую подругу. А когда найдешь – не будь дураком, не отпусти».

– Слушай, Маш, ты поосторожнее с этим, а? А то наградит дитем и со станции рванет. Знаем мы таких.

– Дура, – резко припечатала та. – Мы ничем таким не занимались. Ну, в смысле, невозможно же залететь от поцелуев. И вообще-то нам уже давно не по шестнадцать.

Полог ближайшей палатки приоткрылся, из нее показалась Мария, племянница главы и, вне всяких сомнений, первая красавица не только Нагатинской, но и Тульской, Серпуховской и Добрынинской, если не Ганзы или всего метрополитена. По крайней мере, Симонов искренне полагал так. Высокая, стройная, с темными ресницами и бровями, светлыми волосами до пояса, которые она расчесывала каждую свободную минутку, а во время работы заплетала в толстую косу. Относилась она к тому типу женщин, которым с рук сходило все, а за улыбку – и того больше. И абсолютно не важно было, сколько у

нее ухажеров, насколько часто они сменяются. Если поглядит благосклонно и улыбнется – считай, пропал. Однажды она так глянула на Влада, и… он потерял голову, покой и сердце.

– Ты чего здесь уши греешь?! – накинулась на него подруга Марии, вылезшая из палатки вслед за ней. Звали ее Дина, а на самом деле – Даниила Семенова.

Мария придерживалась правила: у каждой красавицы обязана быть подруга-дурнушка. Не то чтобы Дина была совсем некрасивой, скорее, наоборот. И черты лица – крупные, но миловидные, и волосы – темные и вьющиеся – не подкачали. Курносый вздернутый носик и серо-голубые глаза с дугами бровей могли бы вскружить головы многим. К росту и фигуре также претензий не возникало, но слишком уж Дина копировала поведение Марии, смотрела на окружающих свысока и пыталась выбрать кого получше. Но таких уже заполучила Мария, потому Дина оставалась одинокой, не желая даже смотреть в сторону «так себе ухажеров».

– Я и не думал, – ответил Влад и потер переносицу.

«Все же усталость сказывается, раз вот так прислонился к колонне и завис на неопределенное время, – недовольно подумал он. – Кстати, а сколько сейчас?»

Он оглянулся, сощурившись, но цифр на часах не разобрал. На душе заскребли кошки: обычно зрение его не подводило.

– А раз не думал, то и вали отсюда по своим делам! – окрысилась на него Дина.

Симонов вздохнул, пожал плечами и пошел, не оглядываясь: ему действительно было пора.

– Ишь… – прошипела Дина ему вслед.

– Забей, – бросила ей Мария.

– Терпеть не могу, когда подслушивают! Эти же хуже баб! Наверняка в дозорах у костерка только нас и обсуждают.

– Ты его видела? Какое там. Он нас и не слышал. Дурных грибов наглотался, наверняка. Может, у кого стащил или с прошлого каравана берег.

Стало обидно. Влад уже хотел было обернуться, но… что бы он сказал? «Я не такой! Я не наркоман и ни разу в жизни поганок не пробовал». Да его обсмеяли бы. Потому он лишь вздохнул, мысленно поднял руку и махнул ею вниз, словно вознамерившись разрубить воздух. Семен рекомендовал подкреплять подобное движение ярким нецензурным выражением, но на ум пришло только излюбленное слово Винта – «Исполать», звучащее иной раз гораздо лучше мата.

Идея пойти встречать группу стукнула в голову не одному Симонову. Толпа была поменьше, чем во время речи главы, но непосредственно к туннелю было не протиснуться.

– И ты здесь? – вдруг фыркнули у самого уха.

Влад вздрогнул и глянул на Кириллыча. Очень захотелось сказать что-нибудь глупое вроде: «Куда ж я денусь?» Однако он вовремя прикусил щеку с внутренней стороны и лишь кивнул.

– Ну и правильно, – одобрительно хмыкнул главный дозора южного направления. – Держись рядом, а то самое важное пропустишь, – и бодрой, размашистой походкой направился к туннелю.

Снова Влад шел в кильватере, а народ расступался перед многоопытным боевиком и не пытался заступить дорогу ему – салаге и чужаку.

Возле черного провала обнаружился Тыртыш. Он сидел на корточках, закрыв глаза, и «слушал». Кажется, те, кто находился к нему ближе остальных, старались дышать через раз.

– Я только-только от главы, – негромко сказал ему Кириллыч, не размениваясь на приветствия (да и был ли в них смысл, если и часа не прошло, как сменились?). – С Тульской связались. Наша группа дошла до нее без осложнений и вышла полтора часа назад в нашем направлении. Говорили, будто двигаться будут медленно, заглядывая в ответвления. Ждем.

Кто-то, прислушивавшийся к его словам, ахнул. Потянулись едва слышные шепотки: люди передавали информацию стоящим вдалеке.

– Это еще ничего не значит… – протянул Тыртыш, не открывая глаз. – Та, самая первая группа, тоже до Тульской дошла благополучно, – и неожиданно обратился к Симонову: – Ты, парень, давай-ка глазками-глазками. Они у тебя больно замечательные. Авось раньше меня разберешь, когда появятся.

«Или почувствуешь», – добавил про себя Влад и принялся продвигаться в указанном направлении. Он встал прямо перед «зевом бездны», как высокопарно именовал туннели, и прищурился, стараясь не думать о том, насколько хорошо выделяется его фигура на фоне освещенной станции: стреляй – не хочу, ну или… нападай и утаскивай во тьму.

Парень сосредоточился, потом плюнул на все попытки специально вглядываться и просто некоторое время пялился перед собой. Мгла постепенно поредела, стала не такой плотной, какой казалась еще совсем недавно, и в ней почудилось какое-то шевеление.

– Есть… – то ли прошептал, то ли прохрипел Влад, горло будто перекрыл ком, который никак не получалось ни выплюнуть, ни проглотить.

– Люди.

Так уж вышло, что произнесли они с Тыртышем практически одновременно.

– Слух против зрения. Счет: один-один, – прокомментировал Кириллыч и, мягко ухватив Симонова за плечо, отодвинул его в сторону.

Первым шел отряженный с пятидесятого метра проводник-гонец. Он и принялся (либо на всякий случай, либо от переизбытка чувств) орать, мол, все отлично, люди живы и сейчас выйдут на родную Нагатинскую. Влад почему-то отказывался верить ему и выдохнул с облегчением, лишь когда показались первые бойцы – угрюмые, собранные, до последнего ожидающие нападения, несмотря на то, что дом – вот он, перед глазами.

Семен замыкал шествие. Он махнул рукой кому-то, кивнул Тыртышу и Кириллычу и, подойдя к Симонову, устало хмыкнув, заявил:

– Я ж говорил, что ни одной стерве-твари не по зубам, а ты не верил.

От этих слов с плеч словно свалилась каменная глыба величиной с гору… нет – со станцию или даже с целый метрополитен. А вместе с этим растаял некий внутренний стержень, из-за которого Влад еще держался: аж голова закружилась и ноги подкосились. Не упал он лишь благодаря злости на себя и боязни выглядеть хлюпиком в глазах дозорных.

– Значит, так, – фыркнул Кириллыч, который, похоже, видел все и умел читать мысли. – Молодежь, отсыпаться шагом марш, – а когда Симонов собрался возразить, добавил: – Тебе вообще грех жаловаться, салага, ведь одну палатку делите. Наслушаешься еще историй. Ну…

– Идет, – внезапно сказал Тыртыш. Все снова обернулись к туннелю. Влада, правда, к нему не пустили: Семен, словно невзначай, положил свою лапищу ему на плечо и встал так, чтобы прикрывать. – Один. Без сопровождения.

«Вот теперь все и начнется. Рано расслабился», – произнесло в голове у Влада нечто, похожее на голос из сна, но почему-то копируя интонации Кириллыча.

В следующее мгновение, когда воображение попеременно подкидывало то разлагающийся труп и мутанта с филевской линии, то девочку с двумя головами и огромную лысую крысу в человеческий рост, на станцию вышел Винт. Сталкер, встретивший Влада на Добрынинской, а затем отправивший его на Нагатинскую, выглядел хмурым и осунувшимся в своем неизменном потертом камуфляже, с рюкзаком за спиной и с обрезом, на ствол которого был навинчен впечатляющих размеров глушитель. Невысокий, плотный мужик лет пятидесяти, моложавый и довольно крепкий, он оглядел собравшихся, поскреб подбородок и поинтересовался:

– Вы чего с туннелем сделали, нехристи? По нему же ходить страшно.

– Как именно страшно? – заинтересованно уточнил Кириллыч.

– Если существует в действительности ментальная угроза, – ответил ему Винт, – то ощущается она вот именно так, как у вас. Жуть. И ведь неделю назад проходил, ничего подобного не было.

– Ясно, – покивал Кириллыч и, ухватив сталкера за рукав, потащил его подальше от туннеля, бросив через плечо: – Мы – к главе, Семен, догоняй.

Тот угукнул, но прежде чем отправиться следом, отвел в сторону Влада и велел:

– Сейчас по-быстрому скажи мне главное: как там юг?

– Стоит, – ответил Симонов первое, что пришло в голову, и, раз уж понес несусветную чушь, решил все перевести в шутку: – Мы с Глебом и с Михой ничего не подорвали, честное слово.

Семен фыркнул, но тотчас посерьезнел:

– А если без смешочков и дурацкого юмора? Как ощущения?

– Очень спокойно. Я бы, наверное, там даже погулять не отказался, – признался парень.

– Ага-ага, – покивал Семен, о чем-то явно раздумывая. – Хорошо…

– Но это мне так показалось, – тотчас принялся спорить Влад. – Не думаю, будто я прав. О Нагорной много чего болтают.

– Само собой. Винту, значит, можно на всю станцию фигню нести, а у тебя – личное восприятие, – заметил Семен. – Ты лучше вот что мне скажи: теперь с нами ходить будешь или все же к себе в северный вернешься?

– Не думаю, что мне дадут выбирать, – вздохнув, проговорил Влад.

– А если?

– Северный, – ему и хотелось бы ответить иначе, но это показалось неправильным и нечестным. – Миха и Глеб останутся с вами?

– С нами. Значит, все же нехорошо в южном? – Семен прищурился.

Симонов покачал головой. Он точно знал, что пожалеет о сказанном. Никуда проситься сам и не подумал бы. В конце концов, кто он такой? Куда пошлют – там и пригодится. Однако раз уж ему предоставили решать самому, то следовало выбирать.

– Там очень спокойно и тихо, – повторил он то, о чем уже говорил. – И тьма, не настораживающая… добрая такая, вернее, равнодушная. Только все дело ведь именно в этом, – Влад перевел дух, замолчал, но затем мысленно обозвал себя размазней и выпалил на одном дыхании: – Выходит, я там, где поспокойнее? Было безопасно в северном – дежурил в северном. А как жареным запахло – тотчас сбежал в южный?..

Семен покачал головой.

– Ну, допустим, я вот прямо сейчас заявлю, что ты – настоящий мужик, и не уважать тебя за подобное решение сложно. Только, надеюсь, тебе ясно, насколько глупа такая твоя позиция? Мы, может, и прошли до Тульской и обратно, только ведь ничегошеньки не выяснили. Нашли место обрыва кабеля. Его, кстати, кто-то перегрыз. Идеально так… словно топором перерубил. Пропавший техник его починил. Рядом инструмент лежал – мы подобрали. А дальше – все. Никаких следов. Людей – нет. Останков – тоже. Следов борьбы не обнаружили. И вот ты, необстрелянный, хочешь в это все лезть?

– Хочу, – упрямо заявил Симонов. – И должен. Потому как не просто так в дозоре чаи гонял, но и ходил, проверял. И смотрели мы не в костер, а по сторонам. И к тишине этой чертовой прислушивались. И уж у меня выйти оттуда шансов будет всяко больше, чем у любого, пусть и стреляного, если туннель ему незнаком.

– Спорно, – бросил ему Семен.

Парень сжал и разжал кулаки, готовый и дальше отстаивать себя, хотя прекрасно осознавал бесполезность этого. Все равно будет так, как решат Семен, Кириллыч, глава и хорошо, если не Винт. Последний вообще взял моду

поучать, как будто Влад – дите неразумное, и все пытался оградить от опасности и одновременно соблазнить стать сталкером.

У Симонова иногда создавалось впечатление, будто его медленно, но верно подводили к мысли: выбиться в люди он сможет или с помощью Винта, или никак. И если уж выберет второе, то максимум, на что может рассчитывать, – это дозор, а то и сошлют вкалывать на какой-нибудь ферме. И пусть Семен принимал участие в его судьбе, помогал и советовал, иной раз даже спрашивал его мнение, он неизменно отходил в сторону, когда на станции появлялся сталкер.

Подобное положение вещей очень бесило, только ничего поделать Влад не мог. Хотя… возможно, все было гораздо сложнее и вместе с тем – проще: он просто не доверял сталкеру в достаточной мере. Ведь именно Винт допрашивал его на Добрынинской. Пусть делал он это без лишней жестокости, даже, пожалуй, деликатно, но неприязнь к себе вызвал, а поскольку Симонов тогда пребывал в несколько неадекватном состоянии, то антипатия записалась где-то на уровне подсознания да так и засела в нем.

– Зачем в таком случае вообще спрашивать? – сосчитав мысленно до десяти, спросил он.

– Тебе сколько лет, сопляк? – с усталым вздохом поинтересовался Семен.

– Двадцать…

– А я думал – двенадцать, – прогундосил собеседник и уже нормальным, спокойным тоном пояснил: – До войны в нашей стране совершеннолетие с восемнадцати наступало.

– Я знаю.

– А раз так, то нечего строить из себя выпускника школы для умственно неполноценных! – рявкнул Семен. – Может, у нас здесь и почти военное положение, однако ты не раб и имеешь право и на свое мнение, и на выбранное лично тобой место работы, и даже свинтить со станции к чертовой матери, если приспичит. И меня с Винтом можешь послать в далекие дали в любую приглянувшуюся минуту. Ясно?

Влад растерянно посмотрел на него.

– А интересовался я, поскольку могу повлиять на распределение, но сильно не хочу быть тем самым медведем с услугой. В конце концов, ты мне сосед али кто? Так значит, все же северный?

– Северный, – выдохнул Симонов. – Ты действительно поможешь?

– Только ради всего святого, не лезь на рожон. Прокляну, если твоя безвременная кончина ляжет мне на плечи очередным напоминанием о том, что никому помогать нельзя. У меня в роду были цыгане, и, замечу, не те, которые по метро шастают, а самые настоящие. Потому бойся!

– Какая разница, если я все равно мертвым буду?

– А вдруг смерть – всего лишь череда перерождений? – лукаво поинтересовался тот. – Вот прокляну тебя, и родишься ты сызнова тупой жирной свиньей.

– Спасибо, – невпопад поблагодарил Влад, совершенно не проникнувшись угрозой, и улыбнулся.

– В палатку пшел отсюда! – прикрикнул Семен, старательно изображая неудовольствие. – И так время потерял с тобой. Давай-давай, топай.

Очень захотелось рассмеяться и хотя бы шутливо козырнуть, но Влад сдержался.

– Вы только меня разбудить не забудьте, когда вернетесь, – попросил он, услыхав в ответ громкое и вполне заслуженное:

– Брысь!

Глава 6

Свет электрического фонаря блуждал по стенам туннеля и по шпалам, терялся на потолке. Далее десяти метров царил полный мрак.

Третья группа пусть и вернулась, но на большинство вопросов ответов не дала. Существо (или что там было на самом деле?) их не тронуло. Но вот почему? Ушло ли оно совсем или затаилось? Может, отожралось и впало в спячку? И когда в таком случае вновь выползет на охоту? Какого размера оно достигает, если ему нужно столько еды?! А если оно сделало запасы и не сразу всех убило?.. Да и одно ли оно, или нагатинцам вскоре придется иметь дело с целым выводком? Почему ему не сопротивлялись? Вопросы рождались, накапливались, как снежный ком.

На станции только и разговоров было, что о монстре. Влад на третий день после прихода группы уже начал от них порядком уставать. Люди нервничали – особенно технический и рабочий персонал, занимавшийся хозяйственными делами. Если они и ходили по туннелям, то лишь до Тульской и обратно. Дозорные все больше зубоскалили и шутили, ничем не выдавая тревоги, но свой счастливый броник Семен надевал уже несколько раз, когда ходил патрулировать северный туннель, и единожды (вероятно, перепутав) – в южный.

Глава принял меры по усилению бдительности. До запрета ходить по северному туннелю, конечно, не дошло, но дозоры были увеличены. В их состав обязательно включали опытных бойцов, вооруженных, кроме автоматов, еще чем-нибудь более убойным, вроде ручного огнемета. Патрули раз в три часа проходили от дозора к дозору – проверяли, все ли в порядке с людьми, не исчезли ли – и углублялись в туннель гораздо дальше отметки в сто пятьдесят метров. Ну, и за самими патрулями, разумеется, следили. Если те задерживались хоть на четверть часа, немедленно докладывали на станцию.

С Владом случилась очень неприятная история, до сих пор мутным осадком лежавшая на сердце. Семен просьбу выполнил, хотя и не совсем. То ли в угоду его соображениям, то ли из-за главы, а может быть, вмешался Кириллыч (начальник южного дозора в Симонова буквально вцепился), но окончательно возвращать парня на север не стали. Теперь он мотался один раз через три в туннель, ведущий к Нагорной. Винт же, когда узнал обо всем, внезапно встал в позу, сказав, что не дело это – чужих протеже переманивать. Пусть парень в земле ковыряется и грибы выращивает или к Иванычу в техники идет – гораздо лучшее занятие, а главное, безопасное. Еще и Семена обвинять начал: мол, пока его на станции не было, решил «обратить мальчишку в свою веру».

«А сам-то! Собака на сене: ни себе, ни людям», – фыркнул тогда Семен вроде бы в шутку, хотя было заметно, что задели его слова сталкера.

«А я, может, хочу сам всему его обучить и дело свое передать, – бросил Винт во всеуслышание в присутствии Влада. Наверное, думал, будто тому польстит. – Только пока не время. Потому сиди, Владик, не рискуй понапрасну и не высовывайся. Без тебя разберутся».

Симонов, услышав такое, не стерпел. Теперь иногда ему становилось стыдно за резкие слова и тон, но высказался он верно и именно так, как следовало. И про свою незаинтересованность в обучении. И про то, что у него своя голова на плечах, и даже если сталкер Винт иного мнения относительно его дальнейшей судьбы, диктовать свою волю не имеет никакого права. Влад – совершеннолетний и сам решит, чего в этой жизни хочет.

«Я, конечно, благодарен тебе за поддержку. Если б не ты, я и на Нагатинской не появился бы. Может, поставили бы меня к стенке на Добрынинской, объявив красным шпионом, – сказал ему Влад напоследок. – Да только и о том, как ты меня допрашивал, я не забуду. А еще – ты не отец мне и даже не родственник», – и вылез из палатки.

В тот момент парень был уверен, что ушел навсегда. Теперь придется ему искать новый угол, а то и перебираться куда-нибудь под платформу. Еще понимал: с Винтом общаться не будет и, само собой, помощи от него больше не видать. Надежда уговорить сталкера идти к Фрунзенской окончательно истаяла. Впрочем, она и так-то стоила немного: сколько уже просил – и получал отказы. Зыбкий, уклончивый ответ «в следующий раз, возможно» являлся всего лишь очередной манипуляцией со стороны Винта.

Ноги сами понесли парня к северному туннелю. Влад встал напротив входа и принялся вглядываться в черную бездну, а та, соответственно, – в него. Мгла ухмылялась, жаль, не говорила – то ли не умела, то ли считала недостойным опускаться до грубых и примитивных человеческих слов. Зато ощущение ее было очень отчетливым – до зуда в кончиках пальцев. Закралась даже мысль бросить все и уйти прямо сейчас – во тьму.

Если и остался у Симонова в этом мире кто-то близкий, то именно она – мгла кромешная, обитающая под землей всегда, с самого начала этого мира, еще

задолго до возникновения в нем самой жизни и человека. В конце концов, сбежал же парень от фашистов, и никто не съел его по дороге. А еще была у Влада особенность – то ли врожденная, то ли приобретенная после того похода: он не боялся этой тьмы. Страх туннеля – когда кажется, будто кто-то настойчиво смотрит в затылок, – неконтролируемый, необъяснимый, заставляющий постоянно оглядываться и буквально сводящий с ума, у Симонова отсутствовал напрочь. Иногда у него возникало лишь смутное беспокойство и нежелание снова идти в одиночку. Не из-за монстров и крыс, не из-за неясно чего, называемого особенно впечатлительными людьми шепотом мертвых, а просто не хотелось окончательно раствориться в этой бездне, понять нечто новое про себя и не пожелать более ни выходить к людям, ни видеть их вообще.

Неизвестно, сколько он так простоял, а потом его нашел Семен, похлопал по плечу, а когда Влад не отреагировал, схватил его и развернул к себе лицом.

«Пошли в палатку, отбой скоро, а тебе, между прочим, в южный дозор заступать. Смотри, не опозорь меня перед Кириллычем. – А Винт? – К Клавке своей пошел знаки внимания оказывать, а то, мол, давно не навещал. С ней ему всяко приятнее, чем с нами, и никто на мозг не давит. Клавка, разумеется, знает, что у этого кобеля по жинке на каждой станции, даже дети имеются, все равно, усыновленные или собственные, но ей без разницы: отношения вполне устраивают, да и подарки Винт дарит».

Влад поморщился. Закралась в голову неприятная мысль, будто и от него ждут чего-нибудь подобного: послушания, понимания, покорности и никаких возражений. Слава богу, не так, как от всех этих баб, но как от их детей – точно. Кстати, интересно, а воспринимают ли дети этих самых «жинок» непререкаемым авторитетом именно Винта? Наверное, нет, раз тот во Влада вцепился мертвой хваткой и именно его зовет наследником. Винт частенько говорил: когда отойдет от дел, поселится рядом и будет и далее помогать советами, внуков названных нянчить да наукам учить, а Симонов, соответственно, станет его кормить-поить, обеспечивать и слушать. Радужная перспективка, ничего не скажешь! От человека, который бил на допросе, пусть и не жестоко, деликатно даже, не оставляя следов.

«Ты как? – покосившись на него, спросил Семен, стоило им залезть в палатку. – Жить буду, – пообещал Влад и, подумав, спросил: – Осуждаешь? Знаешь… – он немного помолчал, раздумывая. – Винт, вообще-то, мужик неплохой, даже, можно сказать, правильный, но все дело в том, что правильность эту он возвел в

некий абсолют. А еще считает, будто ему за это обязаны окружающие: все, кому когда-либо хорошее сделал, теперь в его клан, в котором он главный, входят и обязаны по его указке жить. И ведь считает-то искренне, вовсе не из-за внутреннего сволочизма и желания власти. Винт попросту не понимает, как можно иначе. Только я так не хочу. Может, это и плохо.

– Как и я, – фыркнул его собеседник. – А насчет плохо или хорошо… Знаешь, до войны на поверхности обитали весьма забавные насекомые: муравьи. Жили они именно правильно со всех возможных точек зрения. Все-то у них было, многие ученые даже мнили их отдельной цивилизацией и моделью человеческого общества: три языка (химический, поз и усиков), жесткая иерархия, профессии, войны, сельское хозяйство. Даже в помещениях их поддерживалась постоянная температура и влажность… Только одного не имели – разума, видать, утратили за ненадобностью или не развили вовсе. Кстати, у среднего современного общественного животного – гомо сапиенса – мозг уже уменьшился по сравнению с кроманьонцем, и процесс продолжается.

– И какой из этого вывод? – спросил Симонов.

– А вывод напрашивается сам собой: в индивидуальности и эгоизме заключается спасение человечества, – усмехнулся Семен и тотчас посерьезнел. – И это не шутка, Влад, несмотря на то, что я улыбаюсь. Ведь вовсе не в правильности дело. Стремление людей жить сообща – вовсе не разумность, а инстинкт базовый. У тех же стадных млекопитающих, коров, например, или зебр с буйволами, как и у лошадей, точно такой же был в наличии. Сообща проще выжить. И еще замечу: если бы у человека не осталось своих хотелок, то и выживать ему стало бы легче во всех отношениях. Но! Являлся бы он тогда не собой, а тупым быдлом, зомбаком каким-нибудь. Коли есть у тебя внутри душа, то и прислушивайся к ней, зла никому не делай, но и себя не забывай. А уж если противно жить по чьей-то указке, не раздумывая, шли его лесом, на Кудыкину гору, на станции Чертановскую и Южную или сразу на Филевскую линию, поскольку жить тебе лучше все же по-человечески, каким-никаким, а собственным умом, разумом и сердцем, а не тупым и идеальным приспособленцем-муравьем».

Больше они на эту тему не разговаривали, впрочем, и смысла не было. Зачем, если Влад не просто кивнул, а принял – все до последнего слова, запомнил и мог произнести в любой момент? Согласился он с Семеном полностью, и даже если сидело где-то в уголке сознания чувство вины по отношению к сталкеру,

которого парень, так уж вышло, обидел, то ничего поделать с ним уже не вышло бы. Не пошел бы он на попятную и не изменил бы своего решения.

Винт решил обождать и демонстративно не приходил в палатку, ожидая, что Симонов первым прибежит мириться. Только зря. Чем больше проходило времени с того разговора, тем сильнее парень успокаивался и понимал, какую тяжесть скинул с души. Вовсе не ощущал он себя виноватым или потерянным, а наконец-то вздохнул полной грудью, наслаждаясь обретенной самостоятельностью. К тому же он постоянно был занят то в дозоре, то помогая техникам – на правах подай-принеси, но все равно же при деле. Некогда ему было предаваться сомнениям касательно правильности своих поступков. За него наконец-то взялись всерьез. В одном из пустых ответвлений – видимо, хозяйственных помещениях для метростроевцев – Валерий устроил самый настоящий тир и обещал научить Симонова достойно стрелять, а не просто лупить очередями, руководствуясь принципом: авось хоть одна пуля да попадет в цель. Тыртыш объяснял, как правильно туннели слушать, и пусть получалось пока не очень, отличил бы юг и север Влад теперь и с закрытыми глазами, заранее не зная, куда именно попал.

– Еще метров десять – и поворачиваем обратно, – сообщил начальник патруля, тот самый бородатый и лысый боевик – Александр Молчанов, – дежуривший вместе с Владом в южном туннеле. В тот раз парень так и не удосужился с ним познакомиться нормально, теперь знал не только по имени, но и по прозвищу: счастливчик. Поговаривали, он появился на Добрынинской не просто с запада, а именно с нехорошей Филевской линии, лично видел мутантов, даже сражался с ними и чудом избежал гибели. На Нагатинскую его приглашал лично глава. Сам Молчанов ни о чем не рассказывал, а если кто-нибудь интересовался, то либо отшучивался, либо деликатно посылал подальше.

Шаг. Второй… Пятый… Идущий перед Владом патрульный оступился. Все нормально – бывает, мало ли, на что мог наткнуться в темноте, но с ним в унисон, полностью повторяя это движение, споткнулись и остальные. Все, кроме Симонова.

Забавно? Наверное, будет – Михе и Глебу, когда Влад за чаем расскажет им об этой странности. Миха наверняка пошутит о неумении друга шагать в ногу со всеми, но это потом, сейчас же стало жутко до озноба, тонкая холодная струйка пота пробежала по спине.

Молчанов на развилке свернул в боковое ответвление туннеля, едва заметное, вроде бы не важное (мало ли таких по всему метро?) и ускорил шаг. Симонову стало совсем не по себе.

«Восьмой метр… Десятый… Пятнадцатый… Двадцатый!» – считал он про себя, давя подступающую панику. Сердце частило, будто все это время он бежал, и ощущалось где-то в горле, воздуха не хватало. Чтобы хоть как-то успокоиться, парень вцепился в автомат, сжав его так, что побелели костяшки пальцев.

И ведь никто не удивлялся, не пытался спросить у Молчанова, куда тот рванул. Они шли слаженно и быстро. Все так же высвечивал дорогу свет электрических фонарей, и эхо разносило дробный перестук шагов.

«Что происходит?..» – подумал Влад и, сам того не ожидая, задал вопрос вслух.

Идущий рядом Женька Володин, с которым Влад иногда пересекался в дозорах, но приятельства так и не свел, повернулся к нему и растянул губы в улыбке, процедив:

– Глю…ю…юки? Домой направляемся.

Улыбка отчего-то показалась Владу зловещей, как и лицо – перекошенное какое-то и застывшее, а взгляд – мертвый. Володин, вроде бы, в упор смотрел, прямо в глаза, но мимо Влада, и зрачки у него уменьшились до точек.

Сразу вспомнилось, почему приятельство меж ними не заладилось, несмотря на небольшую разницу в возрасте: Симонов был младше всего на три года – почти ничего, если не учитывать того, что сам Женька точно так же на три года отстал от Алексея. Вот он и стремился войти в ближний круг казначейского сына. Даже идти возрождать Нагатинскую вызвался добровольно, хотя на Добрынинской ему жилось неплохо, и дурь, к которой Володин пристрастился уже давно, доставать удавалось гораздо проще. Хоть Ганза и не одобряла использования поганок, а на радиальных станциях чего только не продавали, и, само собой, при должном желании и знании поставщиков заполучить запрещенный продукт проблем не составляло – имелись бы пули, а товар отыщется.

Миха про поганки говорил с усмешкой: «Все видят сны, причем бесплатно, так какой смысл глядеть их наяву, еще и за пульки?»

Глеб вслед за многими, выступавшими против использования таких средств, подхватил сказочку про разжижение и отмирание мозгов у заядлых наркоманов и всем ее рассказывал. В червей, появлявшихся у тех под черепной коробкой, он не верил, хотя образ был очень яркий, ходил по всему метро, и Влад лично знал тех, кого такая перспектива остановила от приема поганок. Сам он попросту не задумывался о дури вообще. Извращенцев и без этого хватало. Некоторые даже от собственной боли кайфовали. Типа, молотком по руке саданут – и испытывают самый настоящий оргазм. Симонов такого чудака даже сам видел – на Добрынинской, но не местного, а одного из путешествующих транзитом челноков. Отношение он к себе вызывал брезгливое. Находиться рядом с ним лишний раз не хотелось, и общаться, разумеется, тоже. Нарик Женька вызывал похожие чувства, даже, пожалуй, похуже – отвращение. Ведь извращенец, по сути, виноват не был. В мозгах у него переклинило, раз боль наслаждением воспринимать стал. Может, он даже понимал собственную ущербность, только поделать ничего не мог. Не имелось у человечества больше ни психиатров, ни препаратов, способных помочь с подобной проблемой (если они вообще существовали когда-либо). А вот Володин употреблял поганки сознательно, и слезать с них не собирался, мотаясь на Тульскую и дальше чуть ли не каждый месяц, как по расписанию.

«Может, он и сейчас под кайфом? – подумал Влад. – Нет, вряд ли. В патруль, закинувшись предварительно поганками, не пошел бы даже Женька. Его же за такое к стенке поставить – и то мало будет. Не настолько у него поплыли мозги пока».

Идущий впереди патрульный снова запнулся, и именно в этот миг парень услышал либо писк, либо свист – сразу и не понять – тихий, тонкий и заунывный настолько, что внутри все перевернулось несколько раз, а сердце, истошно колотящееся в горле, рухнуло в пятки.

Тут уж стало не до сомнений в собственной адекватности. Влад резко остановился – словно ногами внезапно врос в пол. Наверное, даже если б захотел, ни на сантиметр вперед не сдвинулся бы. Иди позади кто-нибудь, непременно в него врезался бы, однако то ли на свое счастье, то ли, наоборот, на беду, шли они с Володиным замыкающими.

– Погодите! – крикнул Симонов. – Да стойте же!!! Куда мы идем?..

Женька неблагозвучно заржал, оглашая весь туннель сиплым карканьем – на смех оно походило мало и воспринималось так же жутко, как и улыбка, и мертвенный взгляд. Но как же перетрусил Влад, когда шедший впереди патрульный обернулся и выдал с очень похожей усмешкой:

– Домой. Разве ты не видишь? Марево багровое уже вовсю мерцает впереди.

И зрачки у него оказались точками, а взгляд – такой же мертвый, как у Володина, словно обращенный внутрь себя. А впереди по-прежнему разливалась чернота – чужая, страшная, скрывающая в себе нечто, о чем Симонов не мог и помыслить без содрогания.

«Как быть?.. – билось в голове. – Не могли ведь столько людей одновременно свихнуться, а я один – остаться с трезвой головой и в твердой памяти?»

– Тебе, парень, видать, совсем плохо, раз не помнишь, как мы все дозоры обошли, – продолжал тем временем патрульный. – Ничего, сейчас дойдем – оклемаешься.

– Кириллыч на сотом еще нам выговор сделал за то, что задержались, – сказал Молчанов вроде бы и нормальным, бодрым голосом, но у Влада мороз так и пошел по коже.

Парень ведь прекрасно помнил: не ходил Кириллыч в северный туннель. Он в южном обретался, знал его, как свои пять пальцев, и не хотел распылять внимание на чужое направление. Никогда он не сидел на ближних постах – только возле столба с отметкой «150». Значит, непорядок с мозгами был именно у Молчанова. Тот, должно быть, думал, что он на юге.

«Может, исчезнувшие группы вовсе не подвергались нападению, иначе хоть что-нибудь да нашли бы, следы борьбы скрыть сложно, – подумал Влад. – Возможно, они попросту вот так сворачивали в ответвление и в полной уверенности, будто идут на Нагатинскую, доходили до…»

– Черт… – прошептал он. Эхо подхватило слово, усилило и разнесло по туннелю, обратив в крик. Или только показалось?.. С его головой творилось нехорошее – Симонов отдавал себе в том отчет. Самочувствие неуклонно ухудшалось, ощущал он себя так, словно выпил на голодный желудок несколько стаканов

ядреного самогона. Но вместе с тем он очень ясно осознавал, что прав относительно этого туннеля. Стоило немедленно повернуть назад, поскольку впереди…

«Что там, впереди?.. Беда? Она самая. Даже и сомневаться не стоит. А еще? Поселение мутантов или вообще кого-то, еще ни разу в метро не виданного? Логово разумной твари, заманивающей к себе людей для… Еды! Чего ж еще-то?» – предположил Влад, но силой воли отогнал эту мысль. Должно быть, исчезнувшие люди еще живы, томятся в загонах, похожих на те, в которых держат свиней, – те так и встали перед глазами, а еще послышались слова Винта, разглагольствовавшего о свиньях, крысах и людях: очень близкие виды, даже эмбрионы мало отличимы друг от друга на стадиях формирования. Необходимо пересилить себя, пройти по туннелю, и тогда удастся всех освободить и вывести обратно. Все-таки у них есть оружие! Если не отобрали…

Парень помотал головой, но прийти в себя это не помогло. Перед глазами так и встал загон с людьми. Они все одновременно подняли головы и посмотрели на Влада мертвыми глазами, и, конечно же, улыбнулись! Его охватила паника, все же прорвалась наружу.

Нет! Не быть ему героем, да и не надо. К черту все! Он и окружающих его патрульных не в силах привести в чувство. О спасении остальных и думать нечего.

– Влад?.. – Молчанов обернулся, посмотрел на него в упор и нахмурился.

«Хоть какая-то мимика!» – Симонов уж было понадеялся, что командир пришел в себя.

Рано радовался. Молчанов вздохнул и с неподдельным участием в голосе сказал:

– Нехорошо с тобой чего-то. Жень, Даня, возьмите его под руки.

Влад опешил. От осознания, что его сейчас потащат волоком на эту несуществующую станцию, якобы мерцающую багровым, в глазах потемнело. К тварям! Его хотят отдать тварям, будь они все прокляты!

– Не дергайся, – попросил-приказал командир. Говорил он все с тем же участием, и ослушаться его казалось почти невозможным. Да только Влад хотел пожить хотя бы еще немного, а героем становиться точно не желал. – Доставим на Нагатинскую в лучшем виде, потом отпустим. Отдохнешь, отоспишься, и все хорошо будет. Временное помутнение у всех случается. Ты же не железный.

Прав был Семен: именно эгоизм делает человека человеком. Окажись Влад муравьем бессмысленным, он подчинился бы старшему. Даже сомнений у него не возникло бы.

Краем глаза парень заметил движение Володина и отпрыгнул от него подальше. То ли воздействие неизвестных тварей сделало того неповоротливым, то ли выброс адреналина подействовал на самого Влада. Медлить он не стал, уговаривать явно одурманенных товарищей – тоже.

– Если все плохо именно у меня, совсем поплыл мозгами и свихнулся, – произнес он, – то и пропадать лишь мне одному. А если нет, то держитесь, я постараюсь добраться до наших и привести помощь.

– Тихо… иди ко мне, я проведу. Ты ведь мне доверяешь? – вновь позвал Молчанов, но Влад на интонации больше не реагировал, он развернулся и как можно быстрее кинулся в туннель: в такую замечательную, теплую и добрую тьму, которая уже однажды скрыла его от преследователей и, наверняка, спасет и на этот раз.

Глава 7

– Вот черт…

Он не знал, когда свернул не туда, и уж точно не понял, как угодил в ловушку. Раньше у него оставался крохотный шанс выйти в знакомый туннель, а по нему – к людям. Теперь и тот истаял безвозвратно.

– Похоже, без посторонней помощи не выбраться. Только откуда ее взять?.. – звучание собственного голоса немного подбадривало, потому Влад разговаривал

с самим собой. Он решил идти, пока не свалится, а затем – ползти. А там либо он куда-нибудь все же доползет, либо его найдут и спасут, либо…

Думать об этом не хотелось. Симонов вздохнул и в который уже раз попытался понять, куда же ему идти. От группы патрульных он несся, сломя голову, не разбирая дороги, ведомый одним-единственным стремлением – очутиться подальше от этого жуткого места. Свист очень скоро перестал его преследовать, но парень напрочь потерял ориентацию в этом лабиринте, способном дать фору тому, в котором якобы обитал Минотавр. В туннелях метро минотавров были сотни, если не тысячи, всяких размеров и видов – на любой извращенный вкус.

Вскоре начало казаться, будто он не просто отклонился от хоженых троп, проложенных некогда метростроевцами, а находится в неком чуждом человеку мире, на вражеской территории, на которую лучше бы никогда не соваться. Вот сейчас за очередным поворотом забрезжит свет, и Влад, наконец, выйдет в обычную пещеру. Там будет свежо, тепло, родник с вкуснейшей чистой водой (перестать думать о нем сейчас же!), грибы и люди… Нет, хватит этих глупостей! Здесь, наверняка, можно блуждать неделями, если не годами, вот только вряд ли получится: ни еды, ни воды в достаточном количестве нет и не предвидится. Незараженные продукты есть только у людей, а остальное лучше не пробовать, если не желаешь помереть в муках или мутировать невесть в кого – неизвестно еще, что хуже.

И об этом тоже не надо! Лучше шаги считать. Итак… раз, два… восемь… пятнадцать… тридцать девять…

Наконец парень немного успокоился и припомнил свои прошлые приключения в туннелях метро. Он ведь находился тогда в сходной ситуации. И вышел же! Неизвестно, каким образом, но сумел. А если удалось однажды, то, значит, он обладает то ли инстинктом, то ли способностью самому отыскивать дорогу, надо ей только не мешать, не притуплять, не метаться из одной крайности в другую, иначе действительно свихнуться недолго. И обязательно настроиться на выживание. Сначала идти, потом, если силы кончатся – ползти и не думать обо всяких ужасах, ни к чему они сейчас. И самое главное: нельзя сомневаться в том, что мгла кромешная, растекшаяся вокруг – именно друг. Она укрывает и защищает. Монстры подземки его не увидят, а о наличии у них инфракрасного зрения даже задумываться не нужно.

Симонов даже фонарик выключил: свет следовало экономить, к тому же он надеялся на очень скорое рассеивание тьмы и превращение ее в сумрак – совсем как тогда. И плевать, что этого не происходило! В конце концов, идти, выставив вперед руки, не так уж и тяжко.

Вот так он шел-шел-шел, а потом упал.

Откуда вообще могла взяться в туннеле яма?!

Правда, летел он недолго и сравнительно удачно приземлился: больно приложившись бедром о землю, но хотя бы не заработав ничего хуже синяка, не подвернув ногу, не вывихнув и не сломав. Потом он включил фонарик и… не поверил увиденному. Он сидел в яме. Край ее маячил где-то на уровне вытянутой руки. Подпрыгнув, Влад вполне мог за него ухватиться, а вот выбраться – нет.

– Вот же дурак, идиот безмозглый, – парень ругал себя последними словами, сидя на земляном полу, обнимая плечи в тщетной попытке согреться и успокоиться. – Понадеялся, будто у тебя проснется эхолокация. Не смешно ли? Обхохочешься! Мутант недоделанный… дебил. Возомнил себя особенным – получай теперь. Загнись здесь!

Он никогда не умел лазить, да и не нужно это было в метро. Влад, конечно, и на зарядку по утрам становился, и заморышем не выглядел, но делать с легкостью по пятьдесят отжиманий – одно, а уцепиться пальцами за край и вытянуть собственное тело из ямы – другое. Здесь нужна не только сила, а умение управлять своим телом.

Он пытался раз за разом, но выбраться не получалось, только устал и взмок. Пальцы постоянно соскальзывали. Земля же была тверда, словно камень. Похоронив идею частично осыпать одну из стенок и по ней выкарабкаться наверх, Влад зло пнул по ней носком сапога.

В голову приходили мысли одна другой дряннее. Ведь кто-то же вырыл эту яму? Значит, рано или поздно явится проверить. С другой стороны, у Симонова против зубов и клыков твари имелся автомат. Он за свою жизнь мог и побороться. А вот чтобы подкрепиться, у него ничегошеньки не было. Вряд ли медленно загибаться от жажды и холода лучше, чем быть разодранным в клочья. Второе

хотя бы произойдет быстрее, пусть будет и больно, и страшно. Можно, конечно, пустить себе пулю в лоб и не мучиться, но лучше оставить подобное на самый крайний случай – когда окончательно истает надежда на спасение.

– И… как же хочется жить… – прошептал парень непослушными губами и неожиданно для себя самого всхлипнул.

Ему еще полноценной истерики не хватало! Вряд ли, конечно, ее увидят. Стесняться не перед кем, но настолько по-идиотски расходовать силы Влад не собирался.

– Спокойно… тихо… тс-с… – уговаривал он себя и с каждым словом голос звучал увереннее. – Если не выходит с наскока, попробуем иначе. Человек – единственное разумное животное на планете. Так?.. Если не учитывать того, что этот разумный Землю и доконал. Однако мы ведь сейчас не демагогией занимаемся и философствованием, а выживаем, потому все лишние умозаключения отставим в сторону, – отвечал самому себе Влад. – А потому – пользуйся мозгами. Вряд ли чертова землеройка умнее тебя. Давай-давай. Вот, скажем, если в стене проделать углубления – типа своеобразные ступени. Получится на них опираться? А ведь получится!..

Следующие минуты, а может, часы, он работал – механически, не раздумывая особо, используя не только собственные руки и мыски сапог, но и автомат. Земля поддавалась плохо, была плотной и влажной. Грунтовые воды, что ли, близко? Это плохо. Хотя в его положении практически не имеет значения. Если вдруг откуда-то из стены забьет фонтан, то, стоит надеяться, яму он заполнит, а потому и выбираться будет легче. О последствиях купания в этой водичке он и потом может поразмышлять – когда спасется. Ну а если не забьет, то и думать в этом направлении не имеет смысла.

«Ступени» постепенно выковыривались, пусть и медленно.

– Ну, хоть так! – подбадривал самого себя Симонов. – Тебе кто-то обещал, что будет легко? Нет? Тогда давай-давай, арбайтен! – он понятия не имел, из какого языка это слово, но его часто любил повторять Иваныч, подгоняя техников, и в памяти оно осело накрепко, став синонимом одновременно и к «работать», и к «быстро».

Тихий, тонкий и удивительно мелодичный свист, воспроизводящий какой-то мотив, он услышал не сразу. Вернее, осознал. Вначале в голове начала прокручиваться незнакомая доселе музыка. Пытаясь подобрать к ней слова, парень и удивился – это ж надо, какой вдруг проснулся талант с перепугу. Не получится ничего с Нагатинской – может, в менестрели податься, а там прибьется к какой-нибудь группе и дойдет до Фрунзенской, хотя… нужно ли теперь? В конце концов, Влад сидит один в полной темноте и не боится. Действительно, так ли уж ему необходима компания в походах по метро? У Винта имеется карта метрополитена, у главы в палатке висит огромный плакат, который раньше украшал каждый вагон метропоездов. Посмотреть на них, вызубрить дорогу – и вперед. Только воды и еды с собой захватить на всякий случай, потому как пить от работы уже очень хочется. И тут вдруг до него дошло, что кто-то там, наверху, музыкально свистит.

– Пом… – голос мгновенно сел, а горло перехватило.

Первым желанием было затаиться и переждать. Воображение мгновенно подкинуло ему множество картин-страшилок. Особенно впечатлил его вид огромной крысы: только не обычной, а человекоподобной.

Кто-то из челноков еще на Добрынинской рассказывал: мол, знавал бывшего обходчика, раньше работавшего в питерском метро. Потом тот в московский метрополитен перебрался, но не просто так, а из-за одного случая, который произошел очень давно, еще при Союзе. Тот парень тогда только-только учиться закончил. И вот пошел он с двумя товарищами пути обходить. Идут они, идут, и вдруг видят на рельсах красную бумажку – старые советские десять рублей. По тем временам это были большие деньги, хотя Влад и уразуметь не мог, как подобная нелепица могла цениться. Патроны – это жизнь, а с бумаги много ли проку?

Один сразу к десятирублевке кинулся. Глядь, а шагах в пяти валяется еще одна, и дальше – тоже. В одночасье годовой оклад насобирать удалось. Однако за бумажки только один обходчик хватался, второй, пожилой, сам брать не стал и молодому не позволил. Прошли они еще несколько метров, а там вообще весь пол усеян червонцами, а в центре кучи прямо на железнодорожных путях сидит некто – вроде и человек, в пальто и в шляпе, только сутулый очень. Подумали, мало ли, ненормальный какой: умом двинулся, со сберкнижки все снял и эдакое устроил. Подошел к нему первый обходчик, который бумажки собирал, хотел за плечо потрясти, а тот обернулся молниеносно и откусил ему пальцы. И оказался

он вовсе не мужиком, а огромной крысой, обряженной в пальто и в шляпу.

Челнок в красках расписывал, как оставшиеся в живых обходчики обратно на станцию бежали, а их преследовала целая крысиная стая. После того случая, да еще и рассказов пожилого о том, что в метро по статистике спускалось гораздо больше народу, чем выходило, его знакомый и переехал в Москву, и устроился в московский метрополитен. Симонов на его месте под землю не спускался бы больше никогда.

Очень живо представилась ему сейчас эта крыса в пальто и в шляпе, идущая по туннелю, дробно постукивая хвостом по полу в такт шагам, – кстати, посторонний звук действительно имел место, – и насвистывая красиво-печальную мелодию. Парню пришлось мысленно отвесить себе пару подзатыльников, а наяву впиться в запястье зубами, едва не прокусив кожу, дабы прийти в себя. Боль слегка отрезвила.

«Против тварей у тебя автомат имеется, – напомнил он себе. – Забыл, идиотина?!»

Размышления сменили направление, и самый настоящий ужас огнем пронесся по жилам: сейчас этот неизвестный уйдет, и Влад останется здесь навсегда! Один! Позволив завладеть собой этому новому страху, он заорал:

– Помогите! Пожалуйста! Кто-нибудь!..

Первое время ничего не происходило. Наверху затаились: не стало ни свиста, ни стука (кстати, а ведь звука шагов парень так и не слышал!). Хотя мог и не разобрать из-за шума крови в ушах. А еще, возможно, заснул, и ему все привиделось, или… сейчас нападет!

– Тихо… – в сравнении с его криками голос был едва различим, но вряд ли незнакомец шептал. – Я уже тебя заметил, не стоит производить шума больше необходимого. Автомат опусти. Стволом вниз. Вот так. Молодец.

Слова вворачивались прямо в мозг, спроси кто-нибудь у Симонова, низкий или высокий голос у его спасителя, он ответил бы лишь, что невообразимо красивый, никогда раньше подобного не слышал. В метро, говорят, существовали сектанты, бьющие поклоны ликам, намалеванным на досках и прямо на стенах

туннелей, и верящие в ангелов. Наверное, занимайся Влад подобной чушью, он тоже уверовал бы в приход к нему ангела, да только тусклый свет вспыхнул больно уж быстро, выхватив из темноты обычного человека, пришедшего к нему на помощь.

Тьма рассеялась, позволяя разглядеть спасителя, осторожно склонившегося над краем ямы. Мужчине еще не было сорока, но явно перевалило за тридцать. Темные с проседью волосы едва касались плеч. Хищное, но в то же время привлекательное узкое лицо с острым подбородком казалось жестким и высокомерным, пока он не улыбнулся. Повинуясь этой улыбке, засмеялись и глаза, вмиг изменив образ. У парня аж дух перехватило.

– Вот же тебя угораздило, – сказал спаситель и протянул руку. – Давай-ка, выбирайся.

Влад сильно сомневался, что у незнакомца хватит сил его вытянуть вот так, на одной руке. Все же он задохликом не являлся и вымахал довольно рослым. Однако пальцы в чужую ладонь все же вложил, не подумав спорить. Потянули его с неожиданной силой и быстротой. Мысок сапога уткнулся в стену, попав на одну из «ступенек». Опираться на нее оказалось действительно удобно, хотя вряд ли Симонов сумел бы выбраться самостоятельно. Второй мысок ткнул в следующую, и спаситель выволок его окончательно.

Глава 8

– Спасибо… – задыхаясь, проронил Влад.

– Не за что, – фыркнули сверху. – Вставай, рано разлеживаться.

«А ведь действительно! Тварь, вырывшая эту западню, вполне могла услышать и устремиться сюда, боясь лишиться обеда!» – подумал Влад и вскочил раньше, чем это осознал; охнул, неудачно опершись на ногу, – синяк у него точно был знатный.

– Не так прытко! – рассмеялся неизвестный.

Симонов уткнулся взглядом в высокие ботинки из добротной кожи. Мысы были специально заужены, на них крепились странного вида приспособления. Пожалуй, будь такие у Влада, он не сидел бы в яме… а может, и сидел бы, все же для лазанья нужен навык. Затем он посмотрел выше и сумел лучше разглядеть своего спасителя.

Прямой нос. Внимательные золотисто-карие глаза – такие еще принято называть глубокими. Взгляд – пронизывающий, будто тотчас забрался в душу и принялся выворачивать ее наизнанку. Замершая на тонких губах ироничная улыбка. Черная плотная куртка, под ней – черная же футболка. Молния была расстегнута до половины груди, на голой шее поблескивала витая цепочка из серебристого металла. Запястье левой руки обвивала татуировка в виде змеи, кусающей саму себя за хвост.

Сталкер! Никто больше так одеваться не мог – в этом парень даже не сомневался – и уж точно, никто другой не полез бы в это ответвление туннеля в здравом уме и твердой памяти.

Он ждал вопросов, но спаситель и без них все понял правильно:

– Ты отбился от группы, потом рухнул в яму, так?

Влад кивнул, набрал в грудь побольше воздуха и заговорил скомканно и быстро, боясь, что не дослушают:

– У нас две группы пропало. Глава усилил дозоры. Мы патрулировали туннель, ну и… чуть-чуть углубились дальше сто пятидесятого. Где-то до трехсотого дошли. Все как обычно было, но… – он снова перевел дух. – Они все словно умом тронулись, свернули в ответвление, шаг ускорили. А когда я спросил, куда мы направляемся, на смех подняли, сказали, будто идут на Нагатинскую. Вроде как даже свет впереди разглядели. Только не было его там! Клянусь!

– Спокойно, – произнес его собеседник. – Я не вижу причин тебе не верить. Дальше.

– А дальше они решили, будто я свихнулся, и собрались тащить меня на эту несуществующую станцию волоком. И свист этот дурацкий… я думал, уже не выберусь, ну и сбежал…

– Молодец, – одобрил незнакомец. – Причем не единожды.

– Почему?.. – глупо хлопнув веками, спросил Симонов. – Потому что в своем уме остался?

– Ну, положим, у тебя попросту врожденный иммунитет к ментальному воздействию, – заметил его спаситель. – У каждого двадцатого он есть. У меня – в том числе. Молодцом из-за него ты быть не можешь, поскольку не сам же ты выработал в себе умение не поддаваться зову тварей, правильно?

Парень кивнул:

– Повезло.

– Вот именно, – согласился его собеседник. – Однако, что не поддался на уговоры, поверил себе, а не остальным, – молодец однозначно. И что меня позвал – тоже, хотя я и тихо шел. Самая распространенная реакция на страх – застыть и замереть молча, ты с ней справился.

– Спасибо… – снова поблагодарил Симонов, озираясь. Показалось или он действительно уловил какой-то шум на грани слышимости, а если…

– Нечего себя мучить, никто на нас не нападет, – сказал спаситель. – Эта дрянь вообще осторожная и жрет только молчаливых. Пока ты трепыхался, она к тебе не приблизилась бы, вот засни – возможны варианты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kuznecova_svetlana/metro-2033-uroboros

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити